

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
"Российский университет транспорта"

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство.
Социология. Культура

Выпуск №6(101)

Ноябрь-Декабрь

Москва
2023

УДК 316:7.06:32
ББК 60:63:66:71:85
П 71

Редколлегия журнала:

Маршак А.Л. (главный редактор, д.ф.н, профессор),
Горбунов А.А. (первый заместитель главного редактора, д.п.н, профессор) Сергеев В.К. (заместитель главного редактора, д.с.н.),
Анисимова Т.Г. (заместитель главного редактора, д.с.н., профессор), Евлаев А.Н. (ответственный секретарь, к.пол.н., доцент),
Кравченко С.А. (д.ф.н., профессор), Кретов Б.И. (д.ф.н., профессор),
Ксенофонтов В.Н. (д.ф.н., профессор) Минералов В.Ю. (к.соц.н.)
Рожкова Л.В. (д.соц.н., профессор) Гузенина С.В. (д. соц. н.)

ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал // М.: РУТ (МИИТ), 2023. – Вып. №6(101). – 97 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК от 11.04.2023 года.

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

ISSN 2072-6015

© Российский университет транспорта (РУТ (МИИТ))

The editorial board

Marshak A.L. (Chief Editor, Ph. D., Professor), Gorbunov A.A. (the first Deputy Chief Editor, D. P. N., Professor), Sergeev V.K. (Deputy Chief Editor, Doctor of Social Sciences), Anisimova T. G. (Deputy Chief Editor, Doctor of Social Sciences, professor), Evlaev A.N. (Executive Secretary, Candidate of Political Science, Associate Professor), Kravchenko S.A. (Doctor of Philosophy, Professor), Kretov B.I. (Doctor of Philosophy, Professor), Ksenofontov V.N. (Doctor of Philosophy, Professor), Mineralov V. U. (candidate of Social Sciences), Rozhkova L.V. (Doctor of Social Sciences, Professor), Guzenina S. V. (Doctor of Sociological Sciences)

«P.O.I.S.K.» (Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture.): scientific and socio-cultural journal: M.: RUT (MIIT), 2023. – Edition 6(101). – 97 p.

Scientific, social and cultural magazine "P.O.I.S.K." is included in the List of leading reviewed scientific journals and publications of Higher attestation Commission of the Ministry of education and science of the Russian Federation on the decision of the Presidium of the HAC from 11 Apr. 2023.

The magazine is intended for workers of culture, art, science, education, students and post-graduate students of humanitarian universities, as well as for everyone who participates to some extent in the processes of organization, planning, law-making in the socio-cultural sphere.

ISSN 2072-6015

© Russian university of transport (RUT (MIIT))

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели Совета

- Горбунов А.А.** Доктор политических наук, профессор, директор Академии базовой подготовки РУТ (МИИТ), член Российской Академии транспорта, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
- Иванов В.Н.** Член-корреспондент РАН, советник РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор

Члены Совета

- Вдовиченко Л.Н.** Доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политической социологии и социальных технологий РГГУ
- Зубок Ю.А.** Доктор социологических наук, профессор, зам. председателя Экспертного совета ВАК, заместитель директора ФНИСЦ ИС РАН
- Запесоцкий А.С.** Член-корреспондент РАН, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов
- Кулашик Петер** Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матея Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия
- Маршак А.Л.** Главный научный сотрудник ИС РАН - ФНИСЦ РАН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России
- Миронов А.В.** Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Нарбут Н.П

Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России

Смолин О.Н.

Доктор философских наук, профессор, академик РАО, член общественного редакционного совета, первый заместитель председателя комитета по образованию ГД РФ

Сосунова И.А.

Действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор

Голенкова З.Т.

доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Шабров О.Ф.

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой РАНХиГС, Президент Академии политической науки

Шувакович Урош

Член-корреспондент Сербской академии образования, профессор Белградского университета, кафедра философии и социальных наук

COMMUNITY EDITORIAL BOARD

Co-Chairmen of the council

Gorbunov A.A.

Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Basic Training Academy RUT (MIIT), member of the Russian Academy of Transport, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Ivanov V.N.

Corresponding Member of ISRAS - FCTAS RAS, Adviser Russian Academy of Sciences, editor in chief of the journal «Science. Culture. Society», Doctor of Philosophy, Professor

The council members

Vdovichenko L.N.

Doctor of Social Sciences, Professor, head of the department of the Faculty of Political Sociology Russian State Humanitarian University

Zubok Ju. A.

Doctor of social Sciences, Professor, member Of the expert Council of the higher attestation Commission, Deputy Director of FNMC IS RAS

Zapesotskiy A.S.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Cultural Studies, Professor, Rector of St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

Kulashik Peter

Doctor of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of International Relations, University of Matej Bel, the editor in chief of the journal «Politics and Science», Banska Bystrica, Slovakia

Marshak A.L.

Senior Researcher of ISRAS - FCTAS RAS, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia

Mironov A.V.

Chief editor of «Social and Humanities», Doctor of Social Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia

Narbut N.P.

Head of the Department of Sociology Peoples' Friendship University, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Sociology, professor, member of the Writers' Union of Russia

Smolin O.N.

Doctor of Philosophy, professor, member public editorial board, the first deputy chairman of the Education Committee of the State Duma

Sosunova I.A.

Member of the International Academy of Sciences, the Academy of Political Science, Doctor of Social Sciences, Professor

Golenkova Z.T.

Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

Shabrov O.F.

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, President of the Academy of Political Science, Deputy Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission of Political Science

Shuvakovich Urosh

Corresponding Member of the Serbian Academy of Education, Professor of the Belgrade University, Department of Philosophy and Social Sciences

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

- ФЕДЯКИН А.В.** Понятийный аппарат отечественной политической регионалистики: открытые возможности и скрытые резервы...12

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЁЖИ

- БААЛЬ Н.Б.** Экстремистские группировки в молодежной среде в современной России.....23
- ОКАТОВ А.В.
ТОЛМАЧЕВ А.В.** СМИ как фактор формирования когнитивных искажений учащейся молодежи32
- ПОПОВ В.В.
ГОРЕЛИКОВ Е.С.** Готовность молодых экспертов к взаимодействию с военной организацией государства.....41

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- ЛАШУК И.В.** Жизненные стратегии социокультурного поведения населения Беларуси....50

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

- ЕВЛАЕВ А.Н.
ЗУБКОВ С.А.** Развитие транспортных професий в условиях цифровизации общества.....60
- ПОПОВ С.В.** Сберегательное поведение как фактор повышения социальной адаптивности населения.....68

РУССКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- МОРОЗОВА Н.М.
ПЕРВУШИНА В.Н.
ТАЛЫНЁВ В.Е.** Цивилизационно-культурологический подход к пониманию власти78

РЕЦЕНЗИИ

- МАРШАК А.Л.** Минувшее тридцатилетие (1993-2023): опыт литературно-социологического анализа.....88

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ.....	91
ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ.....	93

CONTENTS

POLITICS AND SOCIETY

<i>FEDYAKIN A.V.</i>	The conceptual apparatus of domestic regional political studies: open opportunities and hidden reserves.....12
-----------------------------	--

SOCIOLOGY OF YOUTH

<i>BAAL N.B.</i>	Extremist groups among young people in modern Russia.....23
<i>OKATOV A.V.</i> <i>TOLMACHEV A.V.</i>	Mass media as a factor in the formation of cognitive distortions of students.....32
<i>POPOV V.V.</i> <i>GORELIKOV E.S.</i>	Readiness of young experts to interact with the military organization of the state.....41

REGIONAL SOCIOLOGY

<i>LASHUK I.V.</i>	Life strategies of socio-cultural behavior of the population of Belarus.....50
---------------------------	--

PROBLEMS OF MODERN PROCESSES

<i>EVLAEV A.N.</i> <i>ZUBKOV S.A.</i>	Development of transport professions in the context of digitalization of society of the population.....60
<i>POPOV S.V.</i>	Saving behavior as a factor in increasing the social adaptability of the population.....68

THE RUSSIAN WORLD: HISTORY AND MODERNITY

<i>MOROZOVA N.M.</i> <i>PERVUSHINA V.N.</i> <i>TALYNEV V.E.</i>	Civilizational and cultural approach to understanding power.....78
--	--

REVIEWS

<i>MARSHAK A.L.</i>	The past thirty years (1993-2023): the experience of literary and sociological analysis.....88
----------------------------	--

CONFERENCES. SEMINARS. SYMPOSIUMS.....91
RULES OF PUBLICATION.....93

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

POLITICS AND SOCIETY

*ФЕДЯКИН Алексей Владимирович
доктор политических наук,
профессор, заведующий кафедрой
«История» Российский универси-
тет транспорта, Москва, Россия
Politologia-MIIT@yandex.ru*

*FEDYAKIN Aleksey Vladimirovich
doctor of political sciences,
professor, head of department
«History» of Russian university of
transport, Moscow, Russia
Politologia-MIIT@yandex.ru*

Понятийный аппарат отечественной политической регионалистики: открытые возможности и скрытые резервы/ The conceptual apparatus of domestic regional political studies: open opportunities and hidden reserves

Аннотация

В статье предпринимается попытка систематизации и классификации категорий отечественной политической регионалистики, связанная с необходимостью совершенствования понятийного аппарата региональных политических исследований. Отмечается многозначность, характерная для понятия «регион» и целого ряда других ключевых терминов политической регионалистики, что делает необходимым дальнейшее следование в русле междисциплинарного подхода при их концептуализации и операционализации.

Ключевые слова

Политическая регионалистика; отечественная политология; понятийный аппарат; междисциплинарность.

Abstract

The article attempts to systematize and classify the categories of domestic regional political studies related to the need to improve its conceptual apparatus. The ambiguity characteristic of the concept of "region" and a number of other key terms of regional political studies is noted, which makes it necessary to continue following the interdisciplinary approach in their conceptualization and operationalization.

Keywords

Regional political studies; domestic political science; conceptual apparatus; interdisciplinarity.

Для любой науки, тем более входящей в структуру социально-гуманитарного знания, одной из ключевых составляющих самостоятельности и состоятельности является ее язык, т.е. система понятий, терминов, категорий и т.д., позволяющих реализовывать

присущие этой науке функции: познавательную, прогностическую, мировоззренческую, оценочную, критическую, регулятивную и т.д. От того, насколько терминологический аппарат науки является устоявшимся и общепризнанным, а представленные в нем понятия – логически корректными и релевантными для профессионального сообщества, во многом зависит ее теоретическая значимость и практическая востребованность, ее настоящее и будущее. Учитывая, что «актуальность политической регионалистики объясняется прежде всего неоднородностью политического пространства, присущей большинству стран мира»¹, вопрос о развитии и совершенствовании понятийного аппарата данного научного направления в рамках современной политологии выходит на первый план. Тем более это касается отечественной политической регионалистики, которая, как и российская политическая наука в целом, еще не преодолела отдельные «болезни роста» и пока что не вышла на траекторию уверенного поступательного движения вперед.

Вообще, как показывает анализ профильной литературы, в отечественном научном политологическом сообществе вопросы, касающиеся понятийного аппарата политической регионалистики, ставятся не столь часто. Существует немало публикаций, посвященных категориальному осмыслению региона как политического феномена, по-разному понимаемого в различных отраслях политологии и родственных науках, а также предлагаются его типологии по конкретным основаниям². В несколько меньшей степени представлены публикации, направленные на раскрытие междисциплинарного характера политической регионалистики, в которых приводятся отдельные термины из смежных наук и предпринимаются попытки их включения в понятийный аппарат региональных политических исследований³. Публикации же, рассматривающие систему категорий

¹ Баранов А.В. Становление политической регионалистики в постсоветской России // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 4. С. 94.

² Например, Р.Ф. Туровский выделяет три подхода к определению понятия «политический регион»: политико-административный (рассматривает политический регион как управленческую единицу, в официально установленных границах которой действует наделенная определенными полномочиями власть), политико-системный (исходит из положения о том, что в основе формирования политических регионов лежат определенные интересы, которые при их совпадении выступают фактором региональной консолидации, а при их различии – фактором регионального разнообразия), политико-социологический (рассматривает локализованные сообщества сквозь призму определенной территориальной идентичности, объединяющей их членов) (см.: Туровский Р.Ф. О состоянии и перспективах политической регионалистики // Политическая наука. 2011. № 4. С. 24–26).

³ В частности, М.А. Штанько связывает с категорией «региональная политика» такие понятия, как: «региональная экономика» («исследует совокупность экономических и социальных факторов и явлений, обуславливающих формирование и развитие производительных сил и социальных процессов в пределах конкретных регионов»); «региональное развитие» (т.е. «изменение внутренней социальной

политической регионалистики в целом, практически единичны¹. Возможно, именно поэтому сегодня сложилась ситуация, когда «Пространственные концепты (территория, регион, провинция, область, ареал, район, зона, локальность, место)... не переставая играть роль фундамента, стали вспомогательными: они продолжают активно использоваться, однако не привлекают критики и анализа: например, при обсуждении брендинга территорий фокусом внимания становится брендинг, а не принципы выделения территории и ее границ»².

В рамках настоящей статьи мы предпримем попытку восполнения имеющихся в отечественной политической регионалистике пробелов, опираясь на опыт систематизации и классификации категорий, накопленный в других направлениях политологии, в том числе на собственные разработки.

Поскольку центральное место в любых науках занимает определение их предметного поля, то в первую группу терминов политической регионалистики представляется целесообразным включить категории и понятия, характеризующие специфику объекта и предмета регионального политического исследования. Очевидно, что главным здесь будет выступать «политический регион» – понятие, являющееся результатом ограничения объема наиболее общей и весьма многозначной категории «регион», используемой широким кругом областей знания – от географии до медицины. Для тех наук, которые имеют своим предметом изучение различных явлений в физическом пространстве («ареальные исследования»), свойственен дуализм в понимании региона. В рамках политической регионалистики он находит свое выражение в двух трактовках политического региона: транснациональной (регион – группа соседних стран, объединенных

экономической структуры региона); «региональное планирование» («региональное программирование») («разработка и реализация специальных программ развития отдельных районов»); «региональное моделирование» («экономико-математическое конструирование существующей или перспективной социально-экономической структуры региона с целью ее оптимизации»); «регионализация» («районирование») («процесс таксонирования регионов (районов)») (цит. по: Штанько М.А. Политическая регионалистика: учебное пособие. Томск: Изд-во ТПУ, 2006. С. 17).

¹ Так, исследователь В.А. Труханов в системе категорий политической регионалистики выделяет три группы: 1) собственные категории («региональная политика», «политика регионов», «региональная политическая власть», «региональная политическая система», «региональный политический режим», «региональная политическая культура» и др.); 2) категории наук, находящихся на стыке с политической регионалистикой («регион», «региональная экономика», «свободная экономическая зона», «экономико-географическое положение», «политическая география», «социальные группы» и т.д.); 3) категории других наук («власть», «общество», «цивилизация», «пространство», «культура», «эволюция») (цит. по: Труханов В.А. Институционализация политической регионалистики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 1. С. 216).

² Соколовский С.В. Заметки о принципах выделения регионов в географии и антропологии // Этнографическое обозрение. 2013. № 5. С. 54.

некоторыми общими признаками, преимущественно пространственно-географическими) и субнациональной (регион – часть территории страны, выделенная по соответствующему основанию)¹. Для отечественной политической регионалистики, сформировавшейся преимущественно «как внутриполитическая регионалистика, погруженная в систематизацию и обобщение политических процессов в регионах России»², субнациональное понимание региона превалирует над транснациональным (последнее у нас свойственно по большей части страноведению и международным отношениям). Как бы то ни было, двойственное понимание региона, с одной стороны, и соприкосновение региональных политических исследований с таким многогранным и многоаспектным объектом, как политика, с другой стороны, делают неизбежным введение в понятийный аппарат политической регионалистики еще одной главной категории – «государство».

Рассматриваемые в качестве пространственных образований, и государство, и регион (в обоих его значениях) могут быть типологизированы по физико-географическим основаниям, например, раскрывающим площадь занимаемой территории (большие, средние, малые), ее конфигурацию (протяженные, компактные), положение относительно частей света (северные, южные и пр.) и природных объектов (континентальные, прибрежные; равнинные, горные и т.д.), характер границ (прямые, изогнутые; естественные, искусственные; сухопутные, морские и т.п.).

Если рассматривать государства как политические образования, то основаниями для их типологии могут выступать формы правления (монархическая, республиканская) и формы территориально-политического устройства (унитарная, федеративная), а также политический режим (демократический, недемократический). При рассмотрении же под этим углом зрения региона необходимо делать оговорку, о каком его понимании идет речь. В случае транснационального региона можно, например, говорить о степени политической консолидации образующих его стран (наличие/отсутствие соответствующих международных организаций и

¹ Вообще, как справедливо отмечает С.В. Соколовский, «Понятие “регион” всегда содержит представление о внешних границах, некоторой самостоятельности, отъединенности и целостности, и в зависимости от того, как и чем определяются эти границы, какова их природа, постулируется отсутствие внутрирегиональных границ и барьеров той же природы, или хотя бы меньшая интенсивность или выраженность таких границ и барьеров по сравнению с внешними. В случае комплексных типологий (например, при историко-культурном или историко-географическом районировании) принцип однородности критериев при определении региональных границ теряет свою однозначность, предоставляя авторам широкие возможности их интерпретации, которая с неизбежностью становится политической и идеологической» (цит. по: Соколовский С.В. Заметки о принципах выделения регионов в географии и антропологии // Этнографическое обозрение. 2013. № 5. С. 58).

² Дахин А.В. Политическая регионалистика в России: на пути к устойчивой научной полноте // Политическая наука. 2016. № 2. С. 136.

интеграционных объединений, двух- и многосторонних соглашений политического характера и т.д.), включая делегирование полномочий наднациональным центрам принятия решений (централизованные, децентрализованные и т.д.), а также о его историческом прошлом (постимперские, постколониальные и пр.). В случае же субнационального региона основаниями типологии могут служить его происхождение (исторически возникший «снизу», искусственно созданный «сверху»), положение в территориальном комплексе страны (основная территория, анклав/эксклав; центральный, периферийный; внутренний, приграничный и др.), использованные при его формировании принципы регионообразования/районирования (территориальный, этнический/конфессиональный, смешанный и пр.), положение (статус) в государстве – административно-юридическое (субъект или не-субъект – в случае федерации; автономия или не-автономия – в случае унитарного государства; столица или провинция, территория с особым статусом или без такового – в обоих случаях), финансово-экономическое (регионы-«доноры» или дотационные регионы, регионы-«локомотивы» роста или депрессивные регионы и пр.), политическое (регионы, подчиняющиеся центру в моноцентричном государстве; регионы – альтернативные центры в полицентричном государстве) и т.п. В числе оснований типологии могут быть названы также: система взаимоотношений с государственным центром (активность/пассивность, сотрудничество/соперничество, вмешательство/отстраненность и т.д.) и проводимая им региональная политика (централизация/децентрализация, всеобщая/адресная помощь, поддержка/подавление и пр.). Учитывая современные реалии, предлагаем также задействовать такое основание типологизации субнационального региона, как его текущее геополитическое положение (регион, оказавшийся в составе вновь возникшего государственного образования вследствие распада более крупного государства/союза государств; регион с оспариваемой государственной принадлежностью; регион, находящийся в стадии реинтеграции в состав государства, в котором он исторически пребывал ранее; регион, вышедший из-под контроля прежнего/временного государственного центра, и т.д.).

Наконец, может быть выделено и третье измерение – символическое. В этом случае уместно говорить о воображаемых регионах – как искусственно конструируемых в разного рода доктринах (пангерманизм, польское «Междуморье», пантюркизм и пр.), так и реально существовавших в прошлом, но затем утраченных (находящихся в настоящее время в другой национальной юрисдикции) и при этом сохраняющихся в коллективной памяти как «свои» (исторические регионы России, оказавшиеся за ее пределами после распада СССР); о региональной идентичности (выраженной или невыраженной, устойчивой или неустойчивой, позитивной или негативной); о региональных брендах (являющихся частью общенациональных или сосуществующих/конкурирующих с ними) и т.д.

Как видно, предметное поле политической регионалистики весьма объемно и довольно специфично, оно требует исследовательских усилий – серьезных и высокоорганизованных. А потому логичным представляется включить во вторую группу терминов политической регионалистики категории и понятия, характеризующие методологию регионального политического исследования. Уже неоднократно отмечалось, что «регионалистика базируется на междисциплинарной методологии, позволяющей сформировать доказательные представления о сути современных территориально опосредованных процессов общественного бытия, их генезисе и трансформации», при этом, однако, «Пока еще не существует технологий познания региональной (местной, территориальной) составляющей мира (страны, области, города, деревни), адекватных сути этой составляющей, обособливающих и представляющих ее во всей полноте, не сводящих ее к примитивному набору качественно разных предметов (фабрика, дом, транспорт и т.п.)»¹. В этой связи можно говорить о широком спектре общенаучных методов – как эмпирических, являющихся прежде всего методами сбора первичной информации (наблюдение, измерение, сравнение, эксперимент и пр.), так и универсальных, определяющих ход познания целых явлений и процессов (анализ, синтез, дедукция, индукция, абстрагирование, идеализация, аналогия, моделирование и т.д.), а также о специальных методах, возникших и эволюционировавших в рамках отдельных наук. В последнем случае это могут быть, к примеру, методы географического анализа (географическое описание, картографический метод, статистический метод, метод географического районирования, экспедиционный метод и т.д.), методы исторической науки (историко-генетический метод, метод ретроспективного анализа, диахронный метод, метод синхронизации, метод реконструкции и пр.), методы социологического исследования (анализ документов, контент-анализ, анкетирование, интервью, метод экспертных оценок и пр.), а также частные методы, используемые в иных областях знания (например, в демографии, урбанистике, экономической статистике, транспортной логистике² и пр.). Безусловно, данный перечень не является исчерпывающим.

Вместе с тем, важно помнить, что у каждой методологии, тем более заимствуемой из других наук и отдельных научных направлений для решения задач региональных политических исследований, наряду с общеизвестными возможностями, имеются и отнюдь не всегда очевидные ограничения. Например, метод географического районирования далеко не во всех случаях подходит для адекватной таксономизации регионального политического пространства, логика

¹ Лексин В.Н. К методологии исследования и регулирования процессов территориального развития // Регион: экономика и социология. 2009. № 3. С. 20, 23.

² Подробно см.: Горбунов А.А. Транспортная политика государства: институты, ресурсы, технологии // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2018. № 1. С. 17–21.

структурирования которого отнюдь не всегда совпадает с физико-географическими законами. Или, к примеру, задействование историко-генетического метода в ходе регионального политического исследования может натолкнуться на проблемы, связанные с определением хронологических рамок (с какого времени считать изучаемый ареал соответствующим регионом в его нынешнем понимании – с древнейшего или, например, с момента появления на картах соответствующего топонима?) и рамок пространственных (какая территория региона – в прошлых или современных его границах – должна изучаться?).

Отдельный вопрос – о сравнительном методе. Общеизвестно, что, например, в географической науке нередко применяется селективный подход к анализу явлений, процессов и т.д. На практике это предусматривает наделение конкретных территорий, регионов, стран и т.д. статусом эталона и рассмотрение всех остальных объектов под соответствующим углом зрения (самая теплая страна – все остальные страны и т.д.). Нетрудно догадаться, что в нынешней отечественной политологии в целом и в политической регионалистике в частности, все еще несущим на себе отпечаток недавнего прошлого с его неприкрытым заискиванием перед иностранными грантодателями и заигрыванием с ними, таковыми «эталонными» странами и регионами со 100%-ной вероятностью могут стать те, которые расположены к западу от Немана, Западного Буга, Вислы и их притоков. В итоге мы опять рискуем превратиться в читателей и слушателей «удивительных историй» про «истинно демократический» западноевропейский и североамериканский федерализм, про «идеальную и совершенную» систему местного самоуправления в городах и весях «коллективного Запада» и т.д. и т.п. В то время как аналогичные социополитические феномены на российском пространстве, уходящие своими корнями в тысячелетнюю историю отечественной государственности, будут именоваться «несостоятельными», «ущербными», «отклоняющимися» от нормы «кейсами» и пр. Конечно, нельзя не видеть складывающиеся сегодня предпосылки для избавления отечественной политологии от подобной конъюнктурщины и связанных с ней псевдолиберальных иллюзий, а также для перехода к научной объективности, к вдумчивому и всестороннему анализу сложнейших реалий. Однако, эта качественная трансформация еще далека от своего завершения.

Итак, региональная политическая жизнь весьма разнообразна, сложна и изменчива. Ее текущие и перспективные сущностные характеристики, количественные и качественные измерения, виды, формы, проявления и т.д. во многом определяются всевозможными взаимодействиями транс- и субнациональных политических регионов с государствами и друг с другом, которые могут быть определены как «региональный политический процесс». Данная категория столь многообразна и многоаспектна, что делает необходимым выделение для нее сразу нескольких отдельных понятийных групп.

В этой связи в третью группу терминов политической регионалистики могут быть включены категории и понятия, характеризующие участников регионального политического процесса. Одной из таких категорий, используемых при изучении субнационального региона, к примеру, является «региональный политический институт»¹. Другая категория – «субъекты регионального политического процесса» – значительно шире, поскольку включает в себя не только институционализированных, но и неинституционализированных либо только вступивших в стадию институционализации участников политики. Хотя в литературе встречается немало вариантов типологии субъектов политического процесса, современные реалии (пандемия, специальная военная операция РФ, антироссийская санкционная кампания и пр.) показывают, что ключевым из них, невзирая на разного рода суждения и прогнозы, по-прежнему остается государство. А потому, на наш взгляд, следует говорить о государственных и негосударственных субъектах регионального политического процесса, имея в виду в первом случае властные институты государственного центра, а также аффилированные с ними (т.е. учрежденные, финансируемые, контролируемые, управляемые, поддерживаемые и т.п. этими институтами) структуры, тогда как во втором – все, что относится к гражданскому обществу в самом широком его понимании (политические партии и общественные организации, их региональные и местные отделения; общенациональные финансово-промышленные группы, бизнес-структуры субнационального и внутрирегионального уровней; организации, созданные по религиозному, этническому, профессиональному, половозрастному и т.д. признакам; негосударственные масс-медиа; группы в социальных сетях; самодеятельные локальные сообщества; отдельные индивиды). Частным случаем государствоцентричной типологии может быть выделение субъектов регионального процесса в центре и в соответствующем регионе (в

¹ Любопытно, что в рамках экономической науки идет формирование такого направления, как институциональная экономическая регионалистика. Ее «Специфические категории, требующие разработки, связаны с сущностью понятий “институциональный регион”, “институты регионального (пространственного) развития”, “институциональное районирование” и др. Новые формы пространственной организации, такие как региональные сети фирм, кластеры, технополисы, территории опережающего развития целесообразно исследовать не только с учетом транспортных, торговых издержек, но и транзакционных издержек, а также разного рода положительных и отрицательных эффектов. Одним из основных вопросов является изучение институциональных типов регионов (контрактный, эксплуататорский или синтетический регион), а также проведение институционального районирования, что позволит рассмотреть государство как территориально-институциональную систему» (цит. по: Литвинцева Г.П. Институциональная экономическая регионалистика: основные направления исследований // Институциональная трансформация экономики: российский вектор новой индустриализации: материалы IV Международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 2. Омск: ОмГУ, 2015. С. 349–350). Данные категории, при прочих равных условиях, могут быть применимы и в региональных политических исследованиях.

последнем случае ими могут быть, например, первые лица региона и его высшие управленцы, лидеры общественного мнения и местных сообществ и пр.). Наконец, применительно к политическому процессу, протекающему в транснациональном регионе, можно говорить о достаточно широком круге субъектов – по сути, ими могут быть все участники международных отношений (как государственные, так и негосударственные; как внутри-, так и инорегиональные; как открытые, так и теневые; как индивидуальные, так и коллективные и т.д.).

В четвертую группу терминов политической регионалистики могут быть включены категории и понятия, характеризующие состояние регионального политического процесса. В частности, можно говорить о политических процессах, протекающих в рамках формальных/общепризнанных границ региона и выходящих за них (особенно это касается транснациональных регионов, ситуация в которых нередко находится в фокусе внимания всего мирового сообщества, входит в глобальную политическую повестку). В отношении субнациональных политических процессов довольно частым является выделение двух- и многосубъектных (по числу участников), стабильных и нестабильных, конфликтных и бесконфликтных, открытых и скрытых, конвенциональных и неконвенциональных, линейных и нелинейных (волнообразных, маятниковых, циклических и т.д.) их типов. Применительно к субнациональным регионам также можно говорить о региональных политических процессах, как контролируемых/управляемых извне (т.е. государственным центром) и изнутри (т.е. регионом), так и неконтролируемых/неуправляемых никем из их участников. Рассмотрение же политического процесса как динамической характеристики политической системы позволяет говорить о его конструктивной (ведущей к дальнейшему развитию политической системы) и деструктивной (приводящей к ее упадку и разрушению) разновидностях. Возможна типология региональных политических процессов и на основании их результатов – свершившихся политических изменений, которые могут различаться по масштабу (макро-, микро- и т.д.), глубине (радикальные, дополняющие, поверхностные и пр.), последствиям (актуальные и потенциальные, положительные и отрицательные и т.п.), степени общественного признания (легитимные и нелегитимные).

В пятую группу терминов политической регионалистики представляется целесообразным включить категории и понятия, характеризующие цели и средства участников регионального политического процесса. Поскольку, как уже было отмечено выше, ключевым предметом для отечественной политической регионалистики выступает политический регион как субнациональное образование (чаще всего исследователями ставится знак равенства между регионом и субъектом РФ), а одной из важнейших сторон его существования и функционирования являются взаимоотношения с государственным центром (Федерацией), то в фокусе внимания долж-

ны оказаться прежде всего те цели, инструменты, средства и т.п., которые используются этим центром¹. В этой связи можно говорить о стратегии пространственного развития (как долговременной линии государства в отношении регионов и отдельных территорий страны) и адресных государственных программах (имеют конкретные цели и фиксированные сроки реализации); об интересах центра в отношении региона и интересах региона в отношении себя и центра; об общенациональных идеях и ценностях и их региональном (локальном) преломлении. Применительно к приоритетам проводимой центром региональной политики речь может идти о централизации и децентрализации; об оптимизации территориально-политического устройства (укрупнении или разукрупнении административных образований); об интеграции удаленных и труднодоступных территорий в общенациональную систему хозяйственных, транспортных и т.п. связей; о формировании мегаполисов и развитии комфортной городской среды², а также о поддержке сельских территорий; о реинтеграции вернувшихся в состав страны исторических регионов и т.д. Инструментальные категории представлены в том числе такими, как: «мягкая» и «жесткая» сила, «федеральное вмешательство» и «мостраненность» («попустительство»), «региональное выравнивание», «перераспределение доходов» и «стимулирование роста». Что же касается политики региона в отношении центра, то она может описываться в терминах «сотрудничества», «нейтралитета» и «противостояния», а также «регионального лоббизма», «регионального шантажа», «торга» и т.д. Вместе с тем, следует отметить, что многие из этих средств, инструментов и т.д. являются универсальными в политике, а потому могут использоваться не только государственным центром и регионами, но и другими участниками региональных политических процессов.

Наконец, в шестую группу терминов политической регионалистики могут быть включены категории и понятия, характеризующие ценности участников регионального политического процесса. В их числе, в частности, можно назвать такие, как: «выбор пути развития», «региональные политические традиции», «политическая культура региона», «сбалансированное/устойчивое развитие территории» и т.д. Кстати сказать, коль скоро «Структурно-объектное содержание любой “территории” – совокупность расположенных на ней частей социального, хозяйственного, административного, природно-

¹ Как отметил В.Н. Лексин, «В условиях построения новой системы государственной региональной политики региональный разрез должен стать обязательным атрибутом всех принимаемых на федеральном уровне концептуальных, стратегических, программных документов и решений» (цит. по: Лексин В.Н. К методологии исследования и регулирования процессов территориального развития // Регион: экономика и социология. 2009. № 3. С. 33).

² Подробно см.: Федякин И.В. Развитие российских городов и мегаполисов как приоритетное направление современной государственной политики // Вестник Российской нации. 2018. № 5. С. 22–55.

ресурсного, национально-этнического и другого потенциала страны», то вполне обоснованным представляется использование термина «благополучная территория», под которым понимается «территория сбалансированных компонентов (потенциалов) ее функционирования», а потому «считать “территориальным развитием” происходящие на этой территории изменения можно только тогда, когда позитивная динамика каждого компонента территории не будет вести к дисбалансу остальных»¹.

В целом, представленный в рамках настоящей статьи подход к формированию системы понятий и категорий отечественной политической регионалистики, безусловно, не претендует на безальтернативность и тем более концептуальную завершенность. В условиях динамично меняющегося положения политологии в системе социально-гуманитарного знания современной России ее отдельные направления и субдисциплины неизбежно будут находиться в состоянии чрезвычайной подвижности, а потому процесс совершенствования научного лексикона политической регионалистики, так же как и конкретизация предмета ее исследования, и поиск более адекватных современным реалиям ее теоретико-методологических оснований будут продолжаться.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Горбунов А.А. Транспортная политика государства: институты, ресурсы, технологии // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2018. № 1. С. 17–21.

2. Федякин И.В. Развитие российских городов и мегаполисов как приоритетное направление современной государственной политики // Вестник Российской нации. 2018. № 5. С. 22–55.

REFERENCES

1. Gorbunov A.A. Transport policy of the state: institutions, resources, technologies [*Transportnaja politika gosudarstva: instituty, resursy, tekhnologii*] // SEARCH: Politics. Civics. Art. Sociology. Culture: scientific and socio-cultural journal. 2018. No. 1. P. 17–21.

2. Fedyakin I.V. The development of Russian towns and megacities as a priority direction of modern state policy [*Razvitije rossijskikh gorodov i megapolisov kak prioritetnoje napravlenije sovremennoj gosudarstvennoj politiki*] // Bulletin of Russian nation. 2018. No. 5. P. 22–55.

¹ Цит. по: Лексин В.Н. К методологии исследования и регулирования процессов территориального развития // Регион: экономика и социология. 2009. № 3. С. 24, 25.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

SOCIOLOGY OF YOUTH

*БААЛЬ Наталья Борисовна
кандидат политических наук,
профессор, Академия управления
Министерства внутренних дел
Российской Федерации, Москва,
Россия*

nata-baal@mail.ru

*BAAL Natalia Borisovna
Candidate of Political Sciences,
professor, Academy of Manage-
ment of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

nata-baal@mail.ru

Экстремистские группировки в молодежной среде в современной России/ Extremist groups among young people in modern Russia

Аннотация

В статье рассматриваются экстремистские группировки в молодежной среде в современной России, рассматриваются различные классификации неформальных подростковых организаций, а также анализируется причинный комплекс проявления экстремизма в среде молодежи.

Ключевые слова

Подростки; самореализация; общество; индивид; политическая система общества; неформальные молодежные объединения экстремизм в молодежной среде.

Abstract

The article examines extremist groups in the youth environment in the modern conditions of society development, provides various classifications of informal adolescent organizations, and also touches on the causal complex of manifestations of extremism in the youth environment.

Keywords

Teenagers; self-realization; society; individual; political system of society; informal youth associations extremism in the youth environment.

Для неформальных групп молодежи характерна разнообразная степень организованности. В одних обществах не имеется чёткой структуры по какому-либо показателю, в других имеется устойчивый состав, руководитель, управляющая основа, а также разделение ролей. Неофициальные молодежные организации обычно возникают на базе субъективных потребностей, заинтересованностей и устремлений индивидов. Интерес может быть настолько специфическим, индивидуальным, а порой и извращённым, что не обнаруживает поддержки в существующих структурах, и никак не позволяет сгруппировать большое количество людей.

Это становится основой собственной идеологии, компонентом специфичной культуры значительной части молодого поколения, её образом жизни, нормой поведения. Концепция общепризнанных мерок и ценностей, которая не закрепляется в статутах и инструкциях, отличающих группу (объединение) от других формирований, называется субкультурой. Она создается под влиянием таких условий как возраст, этническое происхождение, вероисповедание, социальная категория или место жительства. Неофициальные молодёжные организации в большинстве своём малочисленны (в среднем от 10 до 30 человек), однако при проведении музыкальных, спортивных и иных мероприятий их количество стремительно возрастает.

Состав подобных организаций, обычно смешанный по возрасту и полу, а значительную часть их составляют молодые люди. Согласно степени социальной опасности (полезности) молодёжные неофициальные движения (субкультуры) условно делятся на радикальные (экстремистские), агрессивные, социально опасные, неагрессивные и просоциальные.

В случае, когда движение состоит из разнонаправленных «крыльев», определение производится, отталкиваясь из приоритетного вектора перемещения. В то же время определенные перемещения имеют все шансы систематизироваться сразу по нескольким категориям, к примеру, враждебные формирования зачастую имеют все шансы быть и социально опасными.

Неформальные группы неверно рассматривать как силу, обязательно противостоящую формальным группам уже вследствие того, что неофициальные отношения, а, следовательно, и группы, неминуемо появляются изнутри любой формальной организации, как бы «встроены» в неё, а неформальность - еще не критерий противозаконности, оппозиции официальным властям, скандальности и экстремизма.

Другое дело, что в практике деятельности муниципальных и общественных учреждений нередко случается большое количество формализма и бюрократизма, что в массе неофициальных групп есть такие, которые ведут себя дерзко, исповедуют экстремизм, встают на путь противозаконных действий. Любая экстремистская деятельность молодёжных неформальных организаций осуществляется в отношении властных структур, отдельных политических деятелей, организаций, социального строя или социальных групп, религиозных общин, религиозных деятелей, наций, народностей и тому подобное.

Отсюда также разновидности экстремистски расположенных молодёжных неформальных организаций: совершающие незаконные шаги в политических целях - политические, в экономических целях - общественно-ориентированные, согласно религиозному и духовному показателю - религиозные, по мотивам национальной вражды и ненависти - национальные, экологические, культурологические. Провести конкретную грань между данными разновидностями

молодежных неформальных организаций весьма трудно, поскольку они могут функционировать в совокупности, а также усиливать друг друга.

Экстремистские (радикальные) организации как правило декларируют то, против чего они ведут борьбу, и какие легитимные либо нелегитимные способы они намереваются применить. Например, группы «скинхедов» возникают в большинстве случаев из числа молодого поколения, проживающих в одном микрорайоне, либо обучающихся в одном учебном заведении.

«Неформальные» фавориты, обладающие поначалу хулиганскими мотивами совершения противоправных действий в отношении иностранных граждан, группируют около себя молодое поколение, чтобы в дальнейшем, пропагандируя идеологию радикальных структур, действовать с целью подстрекательства лиц, не имеющих стабильного мировоззрения для совершения преступлений на национальной почве и расовой вражде.

Эксперты отмечают, что наиболее уязвимым местом для проникновения идей экстремизма считаются общеобразовательные учреждения, учреждения начального и среднего профессионального образования, где сосредоточены молодые люди с ещё не сформировавшейся и легко поддающейся воздействию психикой.

На сегодняшний день имеется огромное количество классификаций неформальных подростковых организаций согласно различным показателям. В настоящее время более важным вопросом работы с подростковыми формированиями считается поддержка общественного спокойствия и предотвращение преступлений.

Если взять за основу психолого-педагогический критерий, то подростковые неформальные формирования возможно условно подразделить на просоциальные, асоциальные и антисоциальные, деятельность которых имеет, соответственно, общественную, нейтральную и антиобщественную направленность.

К так называемым просоциальным формированиям можно отнести клубы социальной поддержки, экологические, историко-патриотические организации. С точки зрения общественного спокойствия угроза исходит от движений и формирований, реализующих просоциальную деятельность в экстремистских формах. В основе таких молодёжных движений - общественное расслоение общества, проявляющееся как в материальном неравенстве, так и в уровне требований подростков, характере жизненных целей и методов их реализации. В этой связи необходимо отметить, что из числа неимущих подростков много так называемых панков, а наиболее популярным движением среди школьников выпускных классов стали так называемые рэперы.

Для профилактики и коррективки асоциального поведения школьников более комфортной оказалась систематизация, в основе которой агрессивность и интеллектуализированность формирований. Таким образом, на одном полюсе оказываются доброжелательные

и высокоинтеллектуальные цели, на другом – агрессивные малоинтеллектуализированные.

Также имеют место формирования, которые невозможно однозначно причислить к категории враждебных или неагрессивных движений. Участники подобных интеллектуализированных движений применяют такие формы протеста, как общеполитическое мировоззрение, социальную активность (как просоциальную, так и асоциальную) и божественный образ жизни. Этим в существенной степени обуславливается положение подростка в иерархии группы. В малоинтеллектуализированных движениях статус их участников во многом зависит от физиологической силы и уровня криминализации.

В протестных подростковых движениях «протест», как правило, берет на себя форму маргинализма и перmissивности (вседозволенности). Маргинализм же, в свою очередь, предполагает бескровный социальный протест, выражающийся в игнорировании личностью требований морали, желании выйти из-под контроля общественных институтов. Если говорить об истоках данного протеста, то теория вседозволенности появилась на Западе в начале 1970-х годов. Она отображала особый вид действия молодого поколения – бунт против культуры и нравственности общества.

В экстремистских организациях нередко существует «двойной стандарт». Особенно показательна негласная (а то и гласная) возможность разных проявлений вседозволенности «своих» по отношению к находящимся вокруг, а также недопустимость подобного поведения для всех других. Для экстремистов также характерно создание военизированных формирований, причём нередко не столько по каким-либо идейным причинам, сколько из соображений престижа.

В ультраправых, ультралевых политических организациях и в агрессивных подростковых формированиях, имеющих экстремистский уклон, подобная деятельность зачастую проявляется в форме причинения физического вреда людям. Экстремизм, прежде всего, призыв социальными массами к насильственным действиям политического, религиозного и социального строя. Это механизм, способный расшатать даже самое благополучное общество.

Причинами проявления экстремизма могут быть религиозные, националистические, а также политические мотивы.

Если говорить о религиозных, то это в первую очередь, отрицание системы традиционных для общества религиозных ценностей, проявление нетерпимости к представителям других конфессий и признание своей религии как ведущей посредством подавления других религий.

Националистические мотивы проявляются в сфере межнациональных отношений, в разжигании ненависти между различными национальностями и народностями, проживающими на определенной территории. Данное направление экстремизма

выступает таковым с точки зрения национальности, этничности человека, народа, его убеждений и идеологии.

Политический экстремизм характеризуется насильственными действиями, направленными на изменение основ политического строя. Как правило, все это сопровождается проведением различных актов терроризма, убийств политических противников, а также попытками дестабилизации государства.

В первую очередь, частыми участниками экстремистских организаций современности являются молодые люди в возрасте от 14-25 лет. Причины тому могут быть различные, начиная от домашних, и заканчивая проблемой социализации, хотя они не являются исчерпывающими, ведь в преступной экстремистской среде можно наблюдать и долю так называемой «золотой молодежи» - благополучных людей из благополучных семей.

Образовательную организацию также можно рассматривать как детерминант экстремистской преступности молодёжи, в которой значительное количество молодых людей подвергается негативным проявлениям, таким как наркотики, психотропные вещества, алкоголизм, вступление в банды с антиобщественными взглядами.

Молодым людям также свойственно попадать в «сети» религиозных вербовщиков, веря во что-то сверхъестественное, придерживаясь обожествлённых взглядов и этим в итоге начинают пользоваться те, кто воздействуют на молодёжь в отрицательных целях.

Следовательно, у экстремизма различные истоки и корни, от которых исходят и последствия деяний. Поэтому борьба с экстремизмом должна начинаться с его глубокого исследования, изучения, а впоследствии, профилактирования.

Вовлечение в экстремистские группировки молодёжи в современном мире всё чаще происходит через всемирную паутину Интернета. В социальных сетях, на форумах, создаются страницы, группы, беседы, которые имеют особенность и пытаются угодить интересам молодёжи.

Имеют место публикации интересующих материалов. Допустим, создаётся группа, куда помещается определенная новость. Дальше происходит задействование психологии, когда подросток находит себя, и подвергается приманке. Интернет сегодня является сбором не только новостей, познавательным кладом, но и тем инструментом, через который преступность в современности только набирает обороты.

Вербовщики в интернете обычно набирают себе целевую аудиторию, работая при этом достаточно профессионально. Поэтому необходимо соответствующее реагирование, позволяющее вовремя выявлять субъектов подобного рода экстремистской направленности.

Сегодня молодёжь уже имеет своё представление о жизни, погружено в гаджеты, большая часть молодых людей меньше стремится к развитию и саморазвитию, а поэтому наиболее

подвержена вербовке. И преступность также «молодеет». Всё чаще в новостной ленте мелькают преступные события с участием молодых людей. Это обуславливается, в том числе и современным образом жизни, а во многом и безнаказанностью. Не зря в Государственной Думе Российской Федерации было внесено предложение о понижении возраста уголовной ответственности.

Хотя вряд ли эта идея в будущем будет оправдана, ведь в большинстве случаев молодёжь боится не самой ответственности, а именно величины санкции, которая будет к ним применена.

Сегодня молодёжь – двигатель различных движений, которыми пытаются управлять многие структуры, организации, партии. Их психологические особенности, не всегда твёрдо устоявшиеся, и подвержены гибкости влияния.

Экстремизм в молодежной среде опасен также тем, что проявляется достаточно агрессивно настроено, импульсивно, а главное не до конца осознанно.

Неопределенность подростковых взглядов наиболее привлекательна для лиц, которые хотят оказать воздействие на молодёжь. Из-за незнания и нежелания разобраться в различных жизненных ситуациях, объективно их проанализировать, молодёжь попадает в круг тех интересов, которые выстраиваются перед ними в самом лучшем виде, но на самом деле таковыми не являются.

1. Экстремистские организации пользуются неокрепшими идеалами молодёжи и пытаются подстроить их под свои направления деятельности. Организаторы таких сообществ обычно обладают качествами лидера, способного привести аргументы и навязать молодёжи идеологию, которой они должны следовать.¹

Государство достаточно давно обеспокоено проблемой роста преступлений экстремистской направленности, да ещё и привлечения к ним молодёжи. Поэтому важным нормативно-правовым актом в данной области стало распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 №2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», согласно которому молодёжью признаётся социальная группа, выделенная по возрастной категории от 14 до 30 лет.

Современные условия требуют современных решений, поэтому многие государственные службы, организации, общественные объединения заинтересованы в мерах, которые были бы направлены против экстремистской идеологии, различных контентов с призывами в социальных сетях и прочих вербовочных действиях.

Уполномоченные на то органы держат под контролем открытый доступ к сайтам, влияющим на психику подрастающего поколения, а также сайты с запрещённой в государстве тематикой.

В соответствии со статьей 13 Федерального закона от 25.07.2002

¹ Эльман Саид-Мохмадович Ахъядов, Фатима Алхазуровна Идрисова молодежный экстремизм. Об особенностях личности экстремиста // Закон и право. 2020. №10

№ 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», пунктом 7 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1313, на Министерство юстиции возложены обязанности по ведению федерального списка экстремистских материалов. Он представляет собой список материалов (стихов, книг, музыкальных композиций, фильмов и прочих произведений), которые по вступившему в законную силу приговору суда относятся к экстремистским и являются запрещёнными в Российской Федерации.

При обнаружении подобных экстремистских материалов следует их проверить в списке на сайте Министерства юстиций и при совпадении сообщить в полицию о нахождении материалов в ресурсе интернет. Для этого следует зафиксировать информацию: запечатлеть изображение экрана, электронный адрес и дату обращения.

2. Опрос среди молодежи 17-23 лет, проведенный М.И. Ясницкой¹, показал, что сама молодёжь в какой-то степени располагает мнением о том, что во многом в распространенности идеологии экстремизма важную роль играют объективные внешние и внутренние факторы, которые воздействуют на взгляды человека и влияют на его выбор.

Развитию современной молодежи в позитивных направлениях, а также для исключения из их жизни антиобщественных взглядов и установок может способствовать целый комплекс следующих мероприятий:

- программа научного просвещения;
- развитие терпимости и неприятия агрессии;
- получение знаний о последствиях экстремизма;
- показ фильмов, чтение лекций об экстремистской деятельности;
- анализ динамики психологического состояния детей, подростков, студентов, работающей молодёжи;
- социальные, экономические и иные гарантии для молодежи, направленные на стабильное существование молодых людей в обществе;
- продвижение культурного досуга молодёжи.

Для полноты картины современного экстремизма хотелось бы обратить внимание на криминологическую характеристику личности молодого экстремиста.

В число современных криминологических признаков молодёжного субъекта преступления экстремистской направленности входят свои особенности, которые раскрывают его портрет, мотивы преступного поведения. Это позволит определить круг профилактических мер по борьбе с экстремизмом.

Криминологические признаки личности преступника имеют свойство меняться, исходя из временной категории и развития общества, у него могут быть иные мотивы, цели, возрастной ценз, потребности и прочие изменяющиеся параметры. Как правило, при

¹ Ясницкая М.И. Молодежный экстремизм, как современная криминологическо-правовая проблема // Военное право. 2019. № 6 (58)]

изучении данного вопроса следует останавливаться на анализе социально-демографических, нравственно-психологических и уголовно-правовых признаках¹.

Социально-демографические признаки молодёжного экстремизма зависят от возраста. Период от 14 до 17 лет, является наиболее уязвимым, это обусловлено тем, что в это время молодёжь более подвержена вступлению в экстремистские организации из-за своих психологических, нравственных и иных особенностей, подростки занимаются поиском себя, определяют свои ценности и желания, но мало думают о будущем и чаще живут одним днём.

По половому признаку преобладают мужчины, на это исследователи отводят 99%. Чаще всего лица, состоящие в экстремистских организациях не состоят в браке – 87%. По уровню образования преобладает среднее-специальное – 41%, за ним следует общее среднее – 35%, неоконченное высшее – 20%, высшее 3%.

Чаще всего молодёжь, вовлечённая в экстремистские организации, имеет корыстную направленность, что обуславливается отсутствием постоянного источника дохода – 75%.

Так, П.Н. Казберов, и Б.Г. Бовин провели исследование, результаты которого показали, что 68% молодых людей ранее не привлекались к ответственности, то есть совершают преступление экстремистской направленности впервые. Особенно это относилось к рядам молодёжи, которую вовлекали в занятие преступной деятельностью.²

В ряды экстремистов охотнее вступает молодёжь, которая ранее совершала противоправные действия, в основном привлекалась к административной ответственности (один или несколько раз) – 30%. Также имеет значение тот факт, состоит молодой человек на учете в инспекции по делам несовершеннолетних или нет.

Таким образом, напрашивается вывод, что молодежь подвержена антиобщественным взглядам, а в случаях конкретной жизненной ситуации она может сделать выбор в пользу экстремистской деятельности.

Нравственно-психологическая составляющая экстремизма среди молодёжи характеризуется, в частности, своей мотивацией. Молодые люди в большинстве своём находятся в поисках себя и могут стать приверженцами любой идеологии, которая будет отвечать их потребностям и интересам.

Молодёжь становится фанатиками, вступает в ряды отрицательной субкультуры, где главной целью является насилие и устрашение населения для удовлетворения потребностей. Как правило, такие люди нетерпимы к чужим интересам, агрессивны, свои взгляды на жизнь ставят выше остальных.

¹ Коваленко П.А. Криминологическая характеристика личности, совершающей преступления экстремистской направленности // Modern Science. 2021. № 5-1

² Казбеков П.Н., Бовин Б.Г. Общая характеристика лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности. 2019. Том. 9, № 1

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Казбеков П.Н., Бовин Б.Г. Общая характеристика лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности. 2019. Том. 9, № 1, 53 с.
2. Коваленко П.А. Криминологическая характеристика личности, совершающей преступления экстремистской направленности // Modern Science. 2021. № 5-1, 224 с.
3. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 N 114-ФЗ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867.
4. Эльман Саид-Мохмадович Ахъядов, Фатима Алхазуровна Идрисова «Молодежный экстремизм. Об особенностях личности экстремиста» // Закон и право. 2020. №10.
5. Ясницкая М.И. Молодежный экстремизм, как современная криминологическо-правовая проблема // Военное право. 2019. № 6 (58), 237 с.
6. Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://78.мвд.рф/citizens/faq/security/item/21091853>
7. Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-ekstremizm-ob-osobennostyah-lichnosti-ekstremista> (дата обращения: 26.07.2021).

REFERENCE

1. Kazbekov P.N., Bovin B.G. General characteristics of persons convicted of crimes of extremist and terrorist orientation [*Obshchaya harakteristika lic, osuzhdennyh za prestupleniya ekstremistskoj i terroristicheskoy napravlenosti*]. 2019. Vol. 9, No. 1, 53 p.
2. Kovalenko P.A. Criminological characteristics of a person committing crimes of extremist orientation [*Kriminologicheskaya harakteristika lichnosti, sovershayushchej prestupleniya ekstremistskoj napravlenosti*]// Modern Science. 2021. № 5-1, 224 p.
3. Federal Law «On Countering Extremist activity» [*O protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti*] dated 25.07.2002 N 114-FZ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867.
4. Elman Said-Mokhammadovich Akhyadov, Fatima Alkhazurovna Idrisova «Youth extremism. About the peculiarities of the extremist's personality» [*Molodezhnyj ekstremizm. Ob osobennostyah lichnosti ekstremista*] // Law and Law. 2020. No.10.
5. Yasnitskaya M.I. Youth extremism as a modern criminal and legal problem [*Molodezhnyj ekstremizm, kak sovremennaya kriminologo-pravovaya problema*] // Military law. 2019. No. 6 (58), 237 p. Online resource
6. Electronic resource. Access mode: <https://78.мвд.рф/citizens/faq/security/item/21091853>
7. Electronic resource. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-ekstremizm-ob-osobennostyah-lichnosti-ekstremista> (accessed: 26.07.2021).

ОКАТОВ Александр Владимирович
кандидат социологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
политологии, социологии и
международных процессов
Тамбовский государственный
университет имени
Г.Р. Державина, Тамбов, Россия
okatov32@gmail.com

OKATOV Alexander Vladimirovich
Candidate of Sociological
Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of
Political Science, Sociology and
International Processes of Tambov
State University named after G.R.
Derzhavin, Tambov, Russia
okatov32@gmail.com

ТОЛМАЧЕВ Андрей Валерьевич
аспирант, Тамбовский государ-
ственный университет имени
Г.Р. Державина, Тамбов, Россия
lexus446@rambler.ru

TOLMACHEV Andrey Valeryevich
Postgraduate student, Tambov
State University named after G.R.
Derzhavin, Tambov, Russia
lexus446@rambler.ru

СМИ как фактор формирования когнитивных искажений учащейся молодежи / Mass media as a factor in the formation of cognitive distortions of students

Аннотация

В статье анализируется один из аспектов проблемы девиантного поведения учащейся молодежи, связанный с влиянием информационных воздействий посредством СМИ на формирование когнитивных искажений. Авторами показано, что школы и вузы нередко становятся местами происшествий, при этом причинами деструктивных поступков выступают когнитивные искажения, в результате которых учащиеся начинают верить в собственную исключительность. Авторами предлагается ряд практических рекомендаций, направленных на снижение воздействия СМИ коллективное сознание молодого поколения и нивелирование когнитивных искажений учащейся молодежи.

Ключевые слова

СМИ; девиантное поведение; подростки; молодежь; когнитивные искажения; коллективное сознание.

Abstract

The article analyzes one of the aspects of the problem of deviant behavior of student youth related to the influence of information influences through the media on the formation of cognitive distortion. The authors have shown that schools and universities often become places of incident, while the reasons for destructive acts are often cognitive distortions, as a result of which students begin to believe in their own exclusivity. The authors propose a number of practical recommendations aimed at reducing

the impact of the media on the collective consciousness of the younger generation and leveling cognitive distortions of students.

Keywords

Media; deviant behavior; adolescents; youth; cognitive distortion; collective consciousness.

В последние годы в научной социологической литературе актуализируется проблема девиантного поведения учащейся молодежи. Такое положение дел заметно коррелирует с последовательным ростом объема деструктивной информации в СМИ и сети Интернет. Ученые-обществоведы не могут оставить без внимания целенаправленную работу с молодёжью, ориентированную на протестное поведение, совершение девиантных и противоправных действий в образовательных организациях. В рамках данной статьи предпринимается попытка актуализировать и осмыслить указанную проблему, охарактеризовать ключевые когнитивные искажения, которые формируются у обучающихся под воздействием СМИ. Мы солидарны с мнением В.И. Курашова, который связывает состояние социальной дезориентации с навязыванием определенного стиля жизни извне¹. Подобные искажения коллективного и индивидуального сознания могут привести к серьезным последствиям, например, к формированию моделей поведения по типу «керченского стрелка».

По мнению исследователя Л.А. Бобровой, когнитивные искажения представляют собой «систематические ошибки в мышлении или шаблонные отклонения, в поведении, которые возникают на основе дисфункциональных убеждений. Когнитивные искажения не редкое явление, а систематическое искажение мышления». Д. Канеман утверждает, что регулярно возникающие ошибки мышления у психически здоровых людей связаны, прежде всего, с самим механизмом мышления².

Сильные когнитивные искажения оказывают значимое влияние на формирование ценностей, убеждений и установок подрастающего поколения. Следует отметить, что именно подростки находятся под мощнейшим постоянным информационным давлением, поскольку ежедневно они потребляют все возрастающий объем информации, пропуская через себя колоссальные потоки новостей и информационного шума.

Для лучшего понимания значимости механизма воздействия культурной среды на подрастающее поколение, можно вспомнить советский опыт. Вопрос системных воздействий на молодежное сознание со стороны сферы культуры находился под пристальным вниманием, «ценностные ориентации в советской детской культуре

¹ Курашов В.И. История и философия медицины в контексте проблем антропологии. М.: КДУ. 2012. С. 35.

² Боброва Л.А. Когнитивные искажения. (Обзор) // Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. 2021. № 2. С. 69-79.

строились на системе оппозиций «хорошо – плохо», которые могли быть «приставлены» к любому явлению»¹. К бессистемной работе с молодёжью раньше можно было отнести влияние советского телевидения, хотя и оно подвергалось жесткой цензуре.

А.С. Запесоцкий пишет: «Обучение без воспитания не может быть эффективным в принципе. Телевидение в постсоветский период стало главным воспитателем масс. И оно пропагандирует, навязывает стране весьма убогую философию: «Деньги – главная ценность»².

В настоящий момент основным агентом социализации подрастающего поколения выступает сеть Интернет. Молодые люди с пластичной психикой, в условиях бессистемного информационного воздействия СМИ, становятся объектами манипулирования. При этом отметим, что особую значимость и необходимость экспертной оценки содержания медиапространства обретает и по той причине, что получаемое образование влияет на ценностные установки подростков меньше, чем СМИ, а так же и реальные, либо виртуальные социальные группы, в которых молодые люди состоят. Так, в Гонконге в 2008 г. прошла мощная кампания по прививанию молодежи местечкового национализма: была организована масштабная пропаганда в соцсетях, направленная на формирование у молодых людей чувства локализма. В результате «архитекторам» формирования «нужного» коллективного сознания удалось добиться своей цели и выстроить протест на базе студенческих союзов³.

Тем не менее, качество работы экспертных групп по оценке медиаиндустрии в России вызывает вопросы, что подтверждается не только многочисленными обращениями граждан по поводу содержания различных ток-шоу на ТВ и в Интернете, но и зачастую поверхностным анализом и ошибками в оценке материалов. Например, социологи Полянина А.К. и Грудзинский А.О. указывают, что на основе оценки изданий эротического характера, имеющих маркировку 18+, можно сделать парадоксальный вывод об отсутствии информации, запрещенной для детей⁴.

Многие современные российские специалисты критически оценивают и отечественные современные поп-шоу. Эти «продукты» ничему не учат зрителей, не формируют социально-значимые качества, но лишь потакают низменным запросам определенной части

¹ Параничева О.С. Системный взгляд на детскую литературу 1930-х годов // Системные исследования культуры / под ред. В.С. Жидкова. СПб: Алетейя. 2005. С. 355-371.

² Запесоцкий А.С. Философия образования и проблемы современных реформ // Экономика образования. 2014. № 3. С. 36.

³ Цветная революция в Гонконге: дети как двигатель революции // Агентство социального инжиниринга [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://clck.ru/TBCaG> (дата обращения: 02.03.2021).

⁴ Полянина А.К., Грудзинский А.О. Экспертные оценки продуктов медиаиндустрии: информационная безопасность детей // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 83-89. DOI 10.31857/S013216250012554-2

аудитории, при этом генеральный директор Первого канала К.Л. Эрнст в интервью М. Леонтьеву заявляет: «Телевидение воспитывает, но косвенно. ...Основная суть телевидения в том, чтобы проговаривать текущую ситуацию и правильные моральные модели поведения»¹.

В.Л. Леви обращает внимание на следующие особенности влияния СМИ на поведение человека: «Очень важно принять во внимание, что люди, находящиеся внутри психидеии, одержимые ею, не отдают себе в этом отчёта, не понимают, что захвачены психической инфекцией, не могут этого понять, покуда не выйдут из поля массового гипноза². Например, футбольные и музыкальные фанаты убеждены, что их поведение – это их осознанный выбор, который никак не связан с навязанными СМИ мыслями и представлениями.

Активность и креативность современной российской молодёжи в сети Интернет часто оборачивается простым подражанием западным массмедиа. Российские социологи подчеркивают, что молодые люди в возрасте 18–29 лет в большинстве случаев потребляют, а не создают культурные продукты в сети Интернет.³ При этом для решения текущих проблем, связанных с девиантным поведением, важно учитывать, что современная российская молодёжь чаще других категорий населения соприкасается с результатами цифровизации общества, а продуманная система воспитательной работы в учебных заведениях (существовавшая в своё время в СССР) ещё не сложилась⁴.

Нередко современные агенты социализации молодёжи перекладывают задачу по формированию гармонично развитой личности друг на друга. Мы считаем неверным возложение ответственности за воспитание подростков только на учителей школ и педагогов ссузов/ вузов (особенно в условиях их хронической перегрузки, в том числе связанной с излишней бюрократизацией обучения и воспитания). В учреждениях высшего и среднего профессионального образования процесс развития личности не заканчивается, он активно продолжается и после начала трудовой деятельности.

Рассмотрим наиболее распространённые когнитивные искажения, которые могут привести к девиантному поведению.

1. Устойчивость убеждений – приверженность определенным взглядам, даже если новая информация решительно противоречит им. Первое исследование стойкости убеждений было проведено Фестингером, Риккеном и Шахтером. Так, учащиеся часто цепляются за идеи, которые являются частью их мировоззрения, даже когда

¹ Интервью К. Эрнста М. Леонтьеву // Однако. 2009 // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://prochтение.org/tv/24404> (дата обращения: 25.05.2022).

² Леви В.Л. Куда жить. М.: ООО «Торобан», 2004. С. 176.

³ Асочаков Ю.В., Богомякова Е.С., Иванов Д.В. Новое измерение социального развития: активность и креативность в интернет-коммуникациях // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 75–86. DOI 10.31857/S013216250012083-4.

⁴ Петрунина Д.С. «Переходное поколение»: поколенческая идентичность миллениалов // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 57–64. DOI: 10.31857/S013216250018036-2.

сталкиваются с информацией, которая не совпадает с этим мировоззрением¹.

2. Эффект ложной уникальности – когнитивная предвзятость, когда люди склонны считать свои качества, личные атрибуты уникальными, хотя на самом деле это не так. Данный эффект описали Сульс и Ван². Подростки зачастую придают большее значение одной информации, при этом упуская другую, которая может быть не менее важной.

3. Иллюзия асимметричного понимания – предубеждение, при котором люди считают, что они больше знают о других, чем те о них. Данное предубеждение описали Е. Пронин, Дж. Крюгер, Дж. Савицкий и Л. Росс³. Молодые люди с иллюзией асимметричного понимания полагают, что хорошо понимают других людей, в результате чего у них складывается ложное, искаженное представление о реальности.

4. Иллюзорное превосходство – это когнитивное предубеждение, при котором человек переоценивает свои собственные качества и способности в сравнении с теми же качествами и способностями других индивидов. Данное предубеждение описали исследователи Ван Иперен и Буунк⁴. Суть предубеждения проявляется, когда человек воспринимает других людей как менее умных или неспособных занять конкретную точку зрения, идею, которая значима для данного человека.

5. Эффект третьего лица. Это когнитивное искажение проявляется в том, что человек переоценивает влияние СМИ на других и недооценивает влияние СМИ на себя. Данное искажение описал Ф. Дэвисон в 1983 г.⁵

Вышеперечисленные когнитивные искажения могут привести к тому, что потребляющий соответствующий информационный контент, начинает рассматривать насилие как эффективный способ решения социальных проблем. Наличие психологических проблем (мания величия, искаженное представление о себе и др.), конфликты с социальным окружением вкупе с неконтролируемым деструктивным влиянием СМИ на личность подростка существенно повышает вероятность насильственных действий с его стороны.

Тема возможных способов снижения влияния когнитивных искажений на поведение молодежи в российской социологии

¹ Dawson, Lorne L. When Prophecy Fails and Faith Persists: A Theoretical Overview // Nova Religio. 1999. Vol. 3. Issue 1. P. 60-82.

² Suls J, Wan C.K. In search of the false-uniqueness phenomenon: Fear and estimates of social consensus // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. № 52 (1). P. 211–217.

³ Pronin E., Kruger J., Savitsky K., Ross L. // You don't know me, but I know you: the illusion of asymmetric insight // Journal of Personality and Social Psychology. 2001. № 81 (4). P. 639-656.

⁴ Sawyer C. Illusory Superiority Bias- Is everyone else actually a "sheep" or "asleep"? October 9. 2017 // Behavioral inquiry [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://behavioralinquiry.com/2017/10/09/illusory-superiority-bias-is-everyone-else-actually-a-sheep-or-asleep/> (дата обращения: 21.05.2023).

⁵ Davison W.P The third-person effect in communication // The Public Opinion Quarterly. 1983. № 47 (1). P. 1-15

разработана пока слабо, да и в современной России, на наш взгляд, подобной системной работы не проводится. Можно отметить китайский опыт продвижения позитивных эталонов поведения среди молодёжи, который актуализирует исторические традиции и воспитывает «национальный дух»¹.

Вовлечение молодёжи в спорт также способствует отказу от деструктивной деятельности. Например, в Дагестане активно популяризируют вольную борьбу. Данный вид спорта формирует идеалы мужественности, престиж здорового образа жизни. Известные в республике борцы ассоциируются с социальным престижем, высоким статусом, в результате превращаясь в кумиров для детей и подростков².

Показателен якутский опыт по снижению преступности среди молодёжи. В республике разработали программу по внедрению новых конструктивных форм занятости для молодёжи, что привело к существенному сокращению потребления алкоголя (ранее до половины всех преступлений совершалось в состоянии алкогольного опьянения)³.

Авторы предлагают следующие рекомендации для образовательных учреждений, позволяющие снизить число конфликтов и научить молодых людей самостоятельно выявлять и «отсекать» деструктивный информационный контент:

1. Решение задач (кейсов) по различной интерпретации одних и тех фактов, событий.
2. Выработка навыка критического анализа фактов.
3. Проведение занятий по проблеме подростковой преступности и ее последствий.
4. Создание телефонов доверия, ведение бесед с проблемными обучающимися, их вовлечение в конструктивную деятельность.
5. Внедрение практики сдачи задолженностей другим преподавателям.

Помимо приведенных выше рекомендаций, считаем важным указать на действия, совершение которых крайне нежелательно по отношению к подросткам, т.к. может привести к возникновению конфликтных ситуаций, отвлечь молодых людей от администрации учебного заведения, педагога, а также вызвать злобу и раздражение обучающихся.

1. Ошибочно полагать, что только подростки подвержены

¹ Бальчиндоржиева О.Б., Золхоева М.В. Цифровая культура vs культурная уникальность? (к вопросу о сохранении китайской культурной идентичности) // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 90-97. DOI 10.31857/S013216250016858-6

² Поляков С.И. Борцовская маскулинность в Дагестане как локальная гегемония // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 116-124. DOI 10.31857/S013216250015531-7.

³ Жегусов Ю.И., Корякина З.И. Социальные факторы снижения преступности молодёжи в Республике Саха (Якутия) // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 93-104. DOI 0.31857/S013216250018701-4.

когнитивным искажениям. Педагоги также могут неадекватно воспринимать те или иные ситуации.

2. Необходим запрет на запугивание обучающихся, так как они могут совершить девиантный поступок «назло».

3. Нельзя пугать молодых людей исключением, СИЗО, «проблемами» так как под влиянием когнитивных искажений неуравновешенные учащиеся могут сорваться.

4. Недопустимо принижение чести и достоинства учащегося, поскольку это только усилит конфликтность.

5. Не следует выделять «любимчиков» и «изгоев» в учебных группах, классах.

Таким образом, системная и целенаправленная социально-воспитательная работа с учащимися школ, учреждений СПО и вузов сегодня особенно необходима в реалиях стремительного развития институтов информационного общества. Неконтролируемый поток информации, обрушивающийся на молодых людей в сети Интернет, может привести к описанным когнитивным искажениям и стать причиной совершения преступлений, поэтому в учебных заведениях следует преподавать основы цифровой гигиены и цифровой культуры. Кроме того, нельзя игнорировать данную проблему в принципе, поскольку артикуляция и акцентуализация проблемы – первый шаг на пути к ее решению.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Асочаков Ю.В., Богомякова Е.С., Иванов Д.В. Новое измерение социального развития: активность и креативность в интернет-коммуникациях // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 75-86.

2. Бальчиндоржиева О.Б., Золхоева М.В. Цифровая культура vs культурная уникальность? (к вопросу о сохранении китайской культурной идентичности) // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 90-97.

3. Барсукова С.Ю., Звягинцев А.В., Лаптиева Л.С. Опыт участия молодежи в избирательных кампаниях и его влияние на их гражданскую позицию // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 90-100.

4. Боброва Л.А. Когнитивные искажения. (Обзор) // Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. 2021. № 2. С. 69-79.

5. Жегусов Ю.И., Корякина З.И. Социальные факторы снижения преступности молодежи в Республике Саха (Якутия) // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 93-104.

6. Запесоцкий А.С. Философия образования и проблемы современных реформ // Экономика образования. 2014. № 3. С. 33-41.

7. Интервью К. Эрнста М. Леонтьеву // Однако. 2009 // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://prochtenie.org/tv/24404> (дата обращения: 25.05.2022)

8. Курашов В.И. История и философия медицины в контексте проблем антропологии. М.: КДУ. 2012. 368 с.

9. Леви В.Л. Куда жить. М.: ООО «Торобан», 2004. 455 с.

10. Параничева О.С. Системный взгляд на детскую литературу 1930-х годов // Системные исследования культуры / под ред. В.С.

Жидкова. СПб: Алетейя. 2005. С. 355-371.

11.Петрунина Д.С. «Переходное поколение»: поколенческая идентичность миллениалов // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 57-64.

12.Поляков С.И. Борцовская маскулинность в Дагестане как локальная гегемония // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 116-124.

13.Полянина А.К., Грудзинский А.О. Экспертные оценки продуктов медиаиндустрии: информационная безопасность детей // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 83-89.

14.Хьюз Д. Как изменить абсолютно все. М.: Претекст. 2014. 130 с.

15.Цветная революция в Гонконге: дети как двигатель революции // Агентство социального инжиниринга [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://clck.ru/TBCaG> (дата обращения: 02.03.2021).

16.Davison W.P The third-person effect in communication // The Public Opinion Quarterly. 1983. № 47 (1). P. 1-15

17.Dawson, Lorne L. When Prophecy Fails and Faith Persists: A Theoretical Overview // Nova Religio. 1999. Vol. 3. Issue 1. P. 60-82.

18.Pronin E., Kruger J., Savitsky K., Ross L. You don't know me, but I know you: the illusion of asymmetric insight // Journal of Personality and Social Psychology. 2001. № 81 (4). P. 639-656.

19.Sawyer C. Illusory Superiority Bias – Is everyone else actually a “sheep” or “asleep”? October 9. 2017 // Behavioral inquiry [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://behavioralinquiry.com/2017/10/09/illusory-superiority-bias-is-everyone-else-actually-a-sheep-or-asleep/> (дата обращения: 21.05.2023).

20.Suls J, Wan C.K. In search of the false-uniqueness phenomenon: Fear and estimates of social consensus // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. № 52 (1). P. 211–217.

REFERENCES

1. Asochakov Yu.V., Bogomyagkova E.S., Ivanov D.V. A new dimension of social development: activity and creativity in internet communications [*Novoe izmerenie social'nogo razvitiya: aktivnost' i kreativnost' v internet-kommunikatsiyah*]. Sociological research, 2021, (1), p. 75-86. (InRuss.)

2. Bal'chindorzhieva O.B., Zolhoeva M.V. Digital culture vs cultural uniqueness? (on the issue of preserving Chinese cultural identity) [*Cifrovaya kul'tura vs kul'turnaya unikal'nost'? (k voprosu o sohranении kitajskoj kul'turnoj identichnosti)*]. Sociological research, 2022, (3), p. 90-97. (InRuss.)

3. Barsukova S.YU., Zvyagincev A.V., Laptieva L.S. The experience of youth participation in election campaigns and its impact on their civic position [*Opyt uchastiya molodezhi v izbiratel'nyh kampaniyah i ego vliyanie na ih grazhdanskuyu pozitsiyu*]. Sociological research, 2021, (7), p. 90-100. (InRuss.)

4. Bobrova L.A. Cognitive distortions [*Kognitivnye iskazheniya*]. (Overview). Domestic and foreign literature, 2021, (2). p. 69-79. (InRuss.)

5. Zhegusov YU.I., Koryakina Z.I. Social factors of youth crime reduction in the Republic of Sakha (Yakutia) [*Social'nye faktory snizheniya prestupnosti molodezhi v Respublike Saha (Yakutiya)*]. Sociological research, 2022, (4), p. 93-104. (InRuss.)

6. Zapesockij A.S. Philosophy of education and problems of modern reforms [*Filosofiya obrazovaniya i problemy sovremennyh reform*]. Economics of education, 2014, (3). p. 33-41. (InRuss.)
7. Interview with K. Ernst M. Leontiev [*Interv'yu K. Ernsta M. Leont'evu*]. However. 2009 // [Electronic resource] URL: <https://prochtenie.org/tv/24404> (InRuss.)
8. Kurashov V.I. History and philosophy of medicine in the context of problems of anthropology [*Istoriya i filosofiya mediciny v kontekste problem antropologii*]. M.: KDU. 2012. 368 p. (InRuss.)
9. Levi V.L. Where to live [*Kuda zhit*]. M.: OOO «Toroban», 2004. 455 p. (InRuss.)
10. Paranicheva O.S. A systematic view of children's literature of the 1930s [*Sistemnyj vzglyad na detskuyu literaturu 1930-h godov*] // System studies of culture / ed. by V.P. Zhidkov. Saint Petersburg: Aleteya. 2005. P. 355-371. (InRuss.)
11. Petrunina D.S. "Transitional generation": the generational identity of millennials [*«Perekhodnoe pokolenie»: pokolencheskaya identichnost' millenialov*]. Sociological research, 2022, (2), p. 57-64. (InRuss.)
12. Polyakov S.I. Wrestling masculinity in Dagestan as a local hegemony [*Borcovskaya maskulinnost' v Dagestane kak lokal'naya gegemoniya*]. Sociological research, 2021, (10). p. 116-124. (InRuss.)
13. Polyanina A.K., Grudzinskij A.O. Expert assessments of media industry products: information security of children [*Ekspertnye ocenki produktov mediaindustrii: informacionnaya bezopasnost' detej*]. Sociological research, 2021, (7). p. 83-89. (InRuss.)
14. Hughes D. How to change absolutely everything [*Kak izmenit' abolyutno vse*]. M.: Pretext. 2014. 130 p. (InRuss.)
15. The Color Revolution in Hong Kong: children as the engine of the revolution [*Cvetnaya revolyuciya v Gonkonge: deti kak dvigatel' revolyucii*]. Social Engineering Agency [Electronic resource] URL: <https://clck.ru/TB-CaG>. (InRuss.)
16. Davison W.P. The third-person effect in communication. The Public Opinion Quarterly, 1983, 47 (1), p. 1-15
17. Dawson, Lorne L. When Prophecy Fails and Faith Persists: A Theoretical Overview. Nova Religio, 1999, Vol. 3, Issue 1, p. 60-82.
18. Pronin E., Kruger J., Savitsky K., Ross L. You don't know me, but I know you: the illusion of asymmetric insight. Journal of Personality and Social Psychology, 2001, 81 (4), p. 639-656.
19. Sawyer C. Illusory Superiority Bias – Is everyone else actually a “sheep” or “asleep”? October 9. 2017 // Behavioral inquiry URL: <https://behavioralinquiry.com/2017/10/09/illusory-superiority-bias-is-everyone-else-actually-a-sheep-or-asleep/>.
20. Suls J, Wan C.K. In search of the false-uniqueness phenomenon: Fear and estimates of social consensus. Journal of Personality and Social Psychology, 1987, 52 (1), p. 211–217.

*ПОПОВ Владимир Валентинович
доктор исторических наук,
профессор, Военный университет
имени князя Александра Невского
Министерства обороны РФ,
Москва, Россия
vpopov54@mail.ru*

*POPOV Vladimir Valentinovich
Doctor of Historical Sciences,
professor, Military University of
the Ministry of Defense of the
Russian Federation, Moscow,
Russia
vpopov54@mail.ru*

*ГОРЕЛИКОВ Евгений Сергеевич
кандидат военных наук,
докторант, Военный
университет имени князя
Александра Невского
Министерства обороны РФ,
Москва, Россия
general85@yandex.ru*

*GORELIKOV Evgenij Sergeevich
candidate of Military Sciences,
Doctoral, Military University of
the Ministry of Defense of the
Russian Federation, Moscow,
Russia
general85@yandex.ru*

Готовность молодых экспертов к взаимодействию с военной организацией государства/ Readiness of young experts to interact with the military organization of the state

Аннотация

Обостренная военно-политическая ситуация в России и в мире в целом усложняет поиск эффективных путей привлечения потенциала всего общества. Отмечается массовое повышение заинтересованности гражданского общества в России во включении в процесс принятия управленческих решений политического и военного характера. В этом плане отдельную ценность представляют молодые специалисты в различных стыковых с военной областях. При этом критически важным является комплекс их внутренних убеждений, который можно обозначить такими краеугольными понятиями как чувство патриотизма, долга, чести, глубокого осознания текущей военно-политической ситуации. В статье приводится срез подобных убеждений молодежи, полученный в результате социологического исследования. Агрегированный показатель готовности молодежи к военной службе оценивается как «умеренный», и может восприниматься как целостный резерв для включения в полноценное взаимодействие с военной организацией государства.

Ключевые слова

Военная организация государства; гражданское общество; молодые эксперты; готовность к военной службе; отношение к Специальной военной операции.

Abstract

The aggravated military-political situation in Russia and in the world as

a whole complicates the search for effective ways to attract the potential of the entire society. There is a massive increase in the interest of civil society in Russia in including political and military decisions in the management decision-making process. In this regard, young specialists in various butt and military fields are of particular value. At the same time, a complex of their internal beliefs is critical, which can be indicated by such cornerstone concepts as a sense of patriotism, duty, honor, deep awareness of the current military-political situation. The article gives a section of such beliefs of young people, obtained as a result of sociological research. The aggregated indicator of youth readiness for military service is assessed as "moderate," and can be perceived as a holistic reserve for inclusion in full interaction with the military organization of the state.

Keywords

Military organization of the state; civil society; young experts; readiness for military service; attitude to Special military operation.

Затягивание конфликта на Украине и втягивание в него все большего количества сторон обостряют проблему поиска эффективных путей привлечения потенциала всего общества. Все более нарастающее внешнеполитическое напряжение формирует в обществе понимание, что России противостоит не Украина, а все страны НАТО, что, соответственно, ведет к изменению внутреннего осознания людьми масштабов угроз национальной безопасности. В этой связи отмечается массовое повышение заинтересованности гражданского общества в России во включении индивидов в процесс принятия управленческих решений политического и военного характера. Возродились существующие и начали формироваться новые черты гражданского общества. И это проявляется не просто в благих намерениях и заявлениях, но в конкретных делах и поступках обычных граждан, принимающих участие в специальной военной операции в качестве добровольцев, в инициативном размещении беженцев, в консолидированном осуждении покинувших страну людей, а также активизации волонтерской помощи представителей некоммерческих организаций, бизнеса, органов власти.

В этом плане отдельную ценность представляют именно молодые специалисты в различных стыковых с военной областях, которых целесообразно включать в военную деятельность для моделирования и расчетов в рамках увязывания разных областей знаний для достижения совокупного результата. Речь идет о добровольном взаимодействии по таким областям как: гуманитарная помощь, материально-техническое снабжение, тактическая медицина, техническое сопровождение, во многих из которых молодые специалисты уже могут считаться экспертами. При этом для того, чтобы быть полезными им совсем не обязательно состоять на действительной службе или иным образом formalизовать свои отношения с военной организацией, беря на себя

долгосрочные обязательства. Однако, что при этом все же является критически важным — это личное внутреннее убеждение, которое можно обозначить такими краеугольными понятиями как чувство патриотизма, долга, чести, глубокого осознания текущей военно-политической ситуации. Именно эти убеждения позволяют людям независимо от их военного или гражданского статуса выполнять задачи в интересах военной организации государства с высоким качеством, как того требует Федеральный закон.¹ Эти убеждения закладываются в раннем возрасте, и их можно отчетливо отследить у молодых людей уже на рубеже совершеннолетия, что может дать представление о том какие молодые специалисты в ближайшие годы волеются в процесс взаимодействия с военной организацией.

Итак, подобный срез был сделан в рамках социологического исследования, проведенного в период с 1 декабря 2022 г. по 1 апреля 2023 г. исследовательской группой сотрудников под руководством полковника запаса Крюкова Григория Анатольевича, заместителя Председателя Центрального правления Российского Союза ветеранов Афганистана и Специальных военных операций по научной и исследовательской работе. В ее состав также входили представители группы «Наследие» Общероссийской общественной молодежной патриотической организации «Российского Союза ветеранов Афганистана» совместно со специалистами Центра информационных и социальных технологий «Интеллект-плюс» и учеными кафедры социологии Военного университета им. князя Александра Невского. Исследование касалось изучения общественного мнения молодежи Калужской, Курской, Тверской, Саратовской, Ленинградской областей и Чеченской Республики на предмет отношения к службе в Вооруженных силах Российской Федерации, причин и факторов, влияющих на уклонение от военной службы. Для раскрытия темы статьи авторы ссылаются на некоторые его части.

Так, что касается осмысления текущей военно-политической ситуации, приводятся следующие данные. Оценивая источники угроз для России, 60,7% респондентов назвали США и НАТО. 42,7% опрошенных считают, что наибольшую угрозу нашей стране представляют украинские националисты. На третьем месте в списке источников угроз для страны — террористы и экстремисты. Об этом заявили 38,7% участников опроса. Замыкают список казнокрады и олигархи, представляющие угрозу для России в понимании 9,8% молодых людей (диаграмма №1).

Полученные результаты можно рассматривать, как отношение респондентов к участию во внутригосударственных конфликтах. Если США, НАТО, террористы и украинские националисты представляют внешние угрозы, то казнокрады и олигархи - источник внутренних

¹ Федеральный закон Российской Федерации № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», от 28 марта 1998 года., https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/

противоречий, ведущих к гражданской войне, и, как показали результаты исследования, подавляющее большинство опрошенных не желает в ней участвовать.

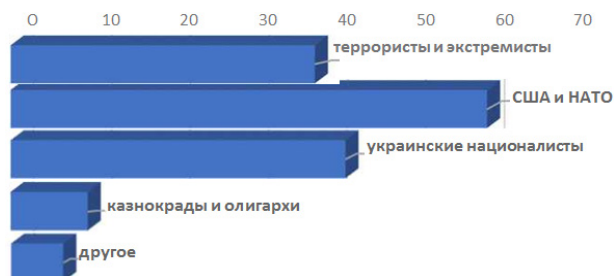

Рисунок 1 — Источники угрозы безопасности страны

Несмотря на широкое освещение в СМИ темы Специальной военной операции (далее СВО), всего 42,7% опрошенных считают, что украинский национализм представляет угрозу для России. Причина такого положения дел в отсутствии четко сформулированной идеи СВО и размытости образа врага. Из-за этого нет понимания, что СВО — это и есть борьба России против США и НАТО, которые развязали против нашей страны настоящую войну и представляют наибольшую угрозу (Таблица 1).

Только 27,5% респондентов правильно называют главную причину СВО. Для 57,8% опрошенных СВО — это защита соотечественников от украинских националистов. 7,9% видят в СВО разборки политиков и олигархов за передел собственности.

Причина такого положения дел заключается в том, что за год продолжения СВО российские политологи, пропагандисты, военные так и не смогли определиться с фокусом проблемы и донести его в понятной форме до граждан.

Таблица 1. Содержание Специальной военной операции

Чем является СВО на Украине РФ на Украине?	%
боевые действия по защите соотечественников от украинских националистов	57,8
вооруженная борьба России против агрессии США и НАТО у наших границ	27,5
разборки политиков и олигархов за передел собственности	7,9
другое	3,9
отказался отвечать	2,1

Отдельного интереса заслуживает распределение ответов на вопрос об отношении молодежи к проведению Специальной военной операции (Рисунок 2).

Рисунок 2 — распределение ответов на вопрос об отношении молодёжи к проведению Специальной военной операции

Более 41,6% респондентов поддерживают проведение СВО. О том, что скорее поддерживают, высказались 35,4% опрошенных. Совсем не поддерживают и скорее не поддерживают 7,2% и 12,7% соответственно. Среди них отмечается самое низкое количество психологически не готовых к службе (5,1%) и не готовых по состоянию здоровья (9,1%) (Таблица 2).

Таблица 2. Готовность респондентов к службе в ВС РФ в зависимости от отношения к проведению Специальной военной операции

Готовность							
Отношение к СВО	Готов полностью	Буду готов ко времени призыва	Психологически не готов	Не готов по политическим убеждениям	Не готов по религиозным мотивам	Не готов по состоянию здоровья	Не готов, т.к. служба стране не нужна
Полностью поддерживаю	34,3%	35,0%	5,1%	0,7%	0,4%	9,1%	0,7%
Скорее поддерживаю	20,0%	33,0%	15,2%	1,3%	2,2%	15,7%	0,0%
Скорее не поддерживаю	14,3%	21,4%	19,0%	7,1%	4,8%	17,9%	0,0%
Совсем не поддерживаю	12,8%	19,1%	21,3%	10,6%	14,9%	10,6%	6,4%

Примечательно, что чем ближе территория к границе с Украиной, тем больше положительных ответов на данный вопрос. По мере отдаления от места проведения СВО больше звучит сомнений в ответах молодежи (Тверская область) или появляется отторжение.

А вот в ответах тех, кто «скорее поддерживает» (34,5%),

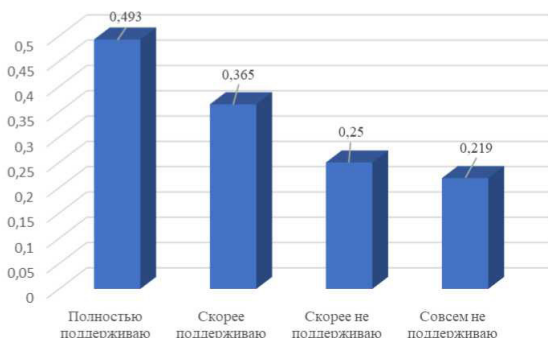
показатели готовности к службе тесно коррелируют с результатами ответов не поддерживающих СВО. Особенно ярко это проявляется в чрезвычайно высоких значениях психологической неготовности (15,2%) и неготовности по состоянию здоровья (15,7%). Это может говорить о том, что, выбирая ответ, респонденты были не искренни и указали социально-нейтральную позицию, конформную с их точки зрения для ожиданий интервьюеров.

У тех респондентов, кто открыто выражает несогласие с СВО (19,9%), наряду с высокими значениями психологической неготовности — 21,3% и неготовности по состоянию здоровья — 17,9%, оказались «веские» причины, связанные с неготовностью к службе по политическим убеждениям — 10,6% и по религиозным мотивам — 14,9%.

Интерпретируя полученные данные, исследовательская группа оценивает агрегированный индекс поддержки респондентами СВО в 0,428, что является тревожным сигналом дихотомии в восприятии СВО молодежью (диаграмма №3).¹

Следует признать, что относительно низкий уровень поддержки молодежью СВО, связан, главным образом, со сложившейся ситуацией своеобразного «миролюбия» и некоторой беспечности в отношении военной безопасности нашего общества. Он зависит от деятельности высших органов государственной власти и управления, и практически, не может быть изменен в сторону повышения без внесения изменений в общеполитическую повестку общества.²

Рисунок 3 — Зависимость готовности респондентов к военной службе от отношения к СВО (I^{V14} готовности)

Кросстабуляционный анализ зависимости готовности к военной

¹ Итоговый отчет о проведенном социологическом исследовании общественного мнения молодежи об отношении к службе в вооруженных силах Российской Федерации, причин и факторов, влияющих на уклонение от военной службы / Общероссийская общественная организация «Российский союз ветеранов Афганистана и специальных военных операций» -М.: ВУ, 2023. С. 10-31.

² Определение категории годности к военной службе: правовые и медицинские аспекты. — ГроссМедиа, 2008. — С.27. — (Народный юрист).

службе от представления о том, кто должен защищать Родину показал, что среди респондентов, считающих это долгом каждого гражданина, показатели готовности к службе в армии (I^{VL1} готовности 0,466) вдвое выше, чем среди тех, кто считает это делом наемной армии (I^{VL2} готовности=0,218). Если защиту Родины считают долгом почти три четверти респондентов, то о готовности защищать ее высказалось менее половины опрошенных. Более 80% опрошенных, считающих, что Родину должна защищать наемная армия, назвали причины своей неготовности к службе: 14,9% - психологически не готовы; 8,5% - по политическим убеждениям; 5,3% - по религиозным мотивам; 20,2% - по состоянию здоровья.

Можно наблюдать устойчивую корреляцию в результатах ответов этой группы респондентов с показателями тех, кто не задумывался над тем, кто должен защищать Родину (I^{VL3} готовности=0,244), что может свидетельствовать о близкой мотивационной направленности респондентов обеих групп, ориентированных на уклонение от военной службы (Таблица 3).

Таблица 3. Кросстабуляционный анализ зависимости готовности к военной службе от представления о том, кто должен защищать Родину

Готовность	Готов полностью	Буду готов ко времени призыва	Психологически не готов	Не готов по политическим убеждениям	Не готов по религиозным мотивам	Не готов по состоянию здоровья	Не готов, т.к. служба стране не нужна	другое
Кто должен защищать Родину?								
это долг каждого гражданина	30,3%	33,5%	9,9%	,8%	,8%	9,5%	,8%	14,3%
наёмная армия	8,5%	26,6%	14,9%	8,5%	5,3%	20,2%	,0%	16,0%
не задумывался над этим	13,4%	22,0%	20,7%	4,9%	9,8%	18,3%	1,2%	9,8%

Агрегированный показатель готовности молодежи к военной службе оценивается как «умеренный», но с учетом происходящих изменений по мере достижения респондентами призывного возраста он снижается до состояния «слабого» (35,5%). В целом более 65% молодых людей призывного возраста выражают неготовность к военной службе. Наблюдаемая с 14-летнего возраста устойчивая тенденция к снижению желания респондентов проходить военную службу, вызвана возрастной сменой структуры ценностных ориентаций, происходящей под влиянием как молодежной субкультуры, так и общим информационным фоном вокруг проблемы защиты страны. Тем не менее даже выявленный относительно невысокий процент людей, готовых к службе, можно воспринимать как целостный резерв для

включения в полноценное взаимодействие с военной организацией государства.

В любом случае война — это социальное явление, а военная деятельность затрагивает не только и не столько вопросы самого вооруженного противостояния, сколько вопросы подготовки к нему. По большому счету военная наука лишь частично состоит из знаний о законах, военно-стратегическом характере войн и вооруженных конфликтов, а с другой стороны — в немалой части состоит из знаний, связанных с проблематикой общественных, естественных и технических наук, также вносящих вклад в строительство и подготовку Вооруженных сил, в предотвращение вооруженных конфликтов и обеспечение военной безопасности. Глубокое понимание этого утверждения расширяет взгляд на диапазон гражданских специалистов, потенциально способных быть привлеченными для взаимодействия с военной организацией государства.¹

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Итоговый отчет о проведенном социологическом исследовании общественного мнения молодежи об отношении к службе в вооруженных силах Российской Федерации, причин и факторов, влияющих на уклонение от военной службы / Общероссийская общественная организация «Российский союз ветеранов Афганистана и специальных военных операций». Общероссийская общественная молодежная патриотическая организация «Российского Союза ветеранов Афганистана». Интеллект. Центр информационных и социальных технологий. -М.:ВУ, 2023. С. 10-31.

2. Определение категории годности к военной службе: правовые и медицинские аспекты. — ГроссМедиа, 2008.— 207 с. — (Народный юрист).

3. Попов В.В. Социальная напряженность в воинских коллективах: опыт исследования. Военная социология: история, теория и практика исследования: коллективная монография / Под общ. ред. д. соц. н., проф. Бондаренко В.Ф., Отв. ред. В.В. Попов, ред. М.В. Барановский, В.А. Масликов, С.В. Назаренко. — М.: ВУ, 2018. С. 171-172.

4. Тернер Д. Структура социологической теории. М., 1985. С. 127.

5. Тучков А.С. Социальная напряженность в разных социальных группах и регионах. М., 2001. С. 65-73.

6. Федеральный закон Российской Федерации № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», от 28 марта 1998 года. Раздел I, https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/

REFERENCES

1. Final Report on the Sociological Survey of Young People's Opinion

¹ Попов В.В. Социальная напряженность в воинских коллективах: опыт исследования. Военная социология: история, теория и практика исследования: коллективная монография / Под общ. ред. д. соц. н., проф. Бондаренко В.Ф., Отв. ред. В.В. Попов, ред. М.В. Барановский, В.А. Масликов, С.В. Назаренко. — М.: ВУ, 2018. С. 171-172. Тучков А.С. Социальная напряженность в разных социальных группах и регионах. М., 2001. С. 65-73.

on Attitudes to service in the armed forces of the Russian Federation, causes and factors affecting evasion from military service [*Itogovyj otchet o provedennom sociologicheskom issledovanii obshchestvennogo mneniya molodezhi ob otnoshenii k sluzhbe v vooruzhennyh silah Rossijskoj Federacii, prichin i faktorov, vliyayushchih na ukлонenie ot voennoj sluzhby*]/ All-Russian public organization "Russian Union of Veterans of Afghanistan and Special Military Operations." All-Russian public youth patriotic organization "Russian Union of Veterans of Afghanistan." Intelligence. Center for Information and Social Technologies. -M.: VU, 2023. P. 10-31.

2. Determination of the category of fitness for military service: legal and medical aspects [*Opredelenie kategorii godnosti k voennoj sluzhbe: pravovye i medicinskie aspekty*]. - GrossMedia, 2008. - 207 p. - (People's Lawyer).

3. Popov V.V. Social tension in military teams: research experience. [*Social'naya napryazhennost' v voinskih kolektivah: opyt issledovaniya*] Military Sociology: History, Theory and Practice of Research: Collective Monograph/Under the General. ed. D. Social. N., prof. Bondarenko V.F., Otv. ed. V.V. Popov, ed. M.V. Baranovsky, V.A. Maslikov, S.V. Nazarenko. - M.: VU, 2018. P. 171-175.

4. Turner D. Structure of sociological theory [*Struktura sociologicheskoy teorii*]. M., 1985. S. 127.

5. Tuchkov A.C. Social tensions in different social groups and regions [*Social'naya napryazhennost' v raznyh social'nyh gruppah i regionah*]. M., 2001. S. 65-73.

6. Federal Law of the Russian Federation No. 53-FZ "On Military Duty and Military Service, [*O voinskoj obyazannosti i voennoj sluzhbe*]" dated March 28, 1998., https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

REGIONAL SOCIOLOGY

*ЛАШУК Ирина Валерьевна
кандидат социологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
экономической социологии и
психологии предпринимательской
деятельности, Белорусский
государственный экономический
университет, Минск, Беларусь
Lashuki1974@gmail.com*

*LASHUK Irina Valerievna
Candidate of Sociological
Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of
Economic Sociology and
Psychology of Entrepreneurship,
Belarusian State University of
Economics, Minsk, Belarus
Lashuki1974@gmail.com*

Жизненные стратегии социокультурного поведения населения Беларуси / Life strategies of socio-cultural behavior of the population of Belarus

Аннотация

В данной работе представлены концептуализация и операционализация понятия «жизненные стратегии социокультурного поведения», которые определяются базовыми и инструментальными ценностными ориентирами.

Базовые ценности сгруппированы на основе определения того, «ради чего я живу»: ради своего дела (группа ценностей самореализации); ради себя (группа ценностей благополучия человека); ради близких (группа ценностей «людей малого круга»); ради других (группа ценностей «чужого мнения»). Перечень инструментальных ценностей разрабатывался с учетом форм капиталов, выделенных П. Бурдьё: каждому капиталу соответствует определенный набор инструментальных ценностей.

Проведенный социокультурный анализ современного белорусского общества позволил создать факторную модель жизненного социокультурного поведения населения Беларуси.

Ключевые слова

Жизненные стратегии; социокультурное поведение; капитал; ценность.

Abstract

This paper presents the conceptualization and operationalization of the concept of “life strategies of sociocultural behavior”, which are determined by basic and instrumental value guidelines.

Basic values are grouped based on the definition of «what I live for»: for the sake of my business (group of self-realization values); for oneself (a group of values of human well-being); for the sake of loved ones (group of values of “people of a small circle”); for the sake of others (the value group

of “other people’s opinions”). The list of instrumental values was developed taking into account the forms of capital identified by P. Bourdieu: each capital corresponds to a certain set of instrumental values.

The conducted sociocultural analysis of modern Belarusian society made it possible to create a factorial model of the vital sociocultural behavior of the population of Belarus.

Keywords

Life strategies; sociocultural behavior; capital; value.

Белорусское общество находится сегодня на таком этапе своего развития, когда для сохранения суверенитета и обеспечения национальной безопасности необходимо глубокое изучение социальной реальности. Одна из важнейших задач современной науки в целом и белорусской социологии в частности – определение причин, детерминирующих те или иные позитивные и негативные процессы и явления в жизни людей, способов минимизации рисков, поддержка заслуживающих внимания инноваций, формирование эффективных институтов власти и гражданского общества. В связи с этим особую актуальность приобретают социокультурные процессы, которые носят в настоящее время сложный системный характер и включают: целеполагание – выбор смысложизненных ориентиров; их достижение посредством накопления и использования различных видов социально значимых ресурсов (социальных капиталов); процессы социальной идентификации, характеризующие интенсивность социальных отношений, в которые включен индивид, и придающие разрозненным индивидуальным действиям системный характер.

Усложнение структуры общественного воспроизводства, новые вызовы для Республики Беларусь требуют полного включения в воспроизводственный процесс не только экономических, но и социокультурных факторов, которые представляют собой все виды капиталов гуманитарной природы – человеческий, социальный, символический и др. Возрастающая потребность в более интенсивном использовании всех ресурсов развития становится для страны на ближайшую перспективу императивом. Для его успешного осуществления необходима разработка новых подходов к активизации социокультурной активности личностей и социальных групп.

Концепция исследования жизненных стратегий социокультурного поведения основывается в настоящей работе на следующих методологических основаниях:

1. Культурсоциологический подход. В основе настоящего исследования лежат теоретические положения, разрабатываемые сегодня в рамках культурсоциологического направления, основателем которого признан Дж. Александер. На фоне целого ряда подходов, разворачивающих социологическое рассуждение «о культуре», этот исследовательский проект выделяется тем, что рассматривает культуру не как один из объектов социологического анализа, а как наиболее

важную характеристику социального, определяющую базовый модус социологического рассуждения. Иными словами, культура, указывая на определенное видение социальной реальности, предстает в качестве организующего принципа, формирующего теоретическую оптику социологического исследования, а подход в целом обретает статус общей социологической теории, в противоположность концепциям, которые более корректно рассматривать как версии социологической субдисциплины «социология культуры»¹.

2. Социоанализ П. Бурдьё. Для нашего анализа важными являются два основных тезиса:

- социальная реальность рассматривается как многомерное пространство, включающее различные поля (политическое, экономическое, социальное, культурное и т. д.), – социальная топология пространства;
- различие между эмпирическим индивидом (наблюдаемым в обыденном опыте) и эпистемическим индивидом (сконструированным исследователем в целях анализа)².

3. Типологический подход к культуре (В. Л. Абушенко)³.

Среди выделенных автором десяти перспектив концептуализации феномена «культура» фокус нашего внимания сосредоточен на аксиологическом и деятельностном понимании феномена «современная культура». Суть нашей концептуализации заключается в следующем: в основании различного рода культурных выборов индивидов и групп лежат ценностные приоритеты. Однако они существуют не сами по себе, а в связке с деятельностным компонентом в том смысле, что реализуются в реальной практической деятельности людей и закрепляются в повторяющихся моделях поведения. Не претендуя на универсальность, данный подход является одной из возможных концептуализаций культуры.

В рамках представленных концептуальных оснований жизненные стратегии социокультурного поведения имеют в первую очередь ценностную природу. В данном исследовании жизненных установок фокус внимания сосредоточен на изучении базовых и инструментальных ценностей.

Жизненные стратегии социокультурного поведения определяются, во-первых, базовыми ценностными ориентирами. Во-вторых, в повседневной жизни, сталкиваясь с различного рода проблемными жизненными ситуациями, индивид актуализирует имеющийся в

¹ Александер, Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология / Дж. Александер ; пер. с англ. Г. К. Ольховикова ; под ред. Д. Ю. Куракина. – М. : Праксис, 2013. – 640 с.

² Бурдьё, П. Физическое и социальное пространства / П. Бурдьё // Социология социального пространства : избр. тр. : пер. с фр. / П. Бурдьё ; общ. ред. пер. Н. А. Шматко. – М. : СПб., 2005. – С. 49–63.

³ Абушенко, В. Л. Типологический подход к исследованию культуры в культурсоциологии / В. Л. Абушенко // Социологический альманах : науч. изд. / НАН Беларуси, Ин-т социологии. – Минск, 2012. – Вып. 3. – С. 124–140.

его распоряжении запас капиталов (образовательный, сетевой, административный и др.), которые в той или иной степени помогают ему справиться с возникающими повседневными сложностями. В таком случае степень востребованности капитала в повседневности и определяет инструментальную значимость конкретной ценности (капитала).

Поскольку базовые ценности определяют смысл жизни человека, их можно сгруппировать на основе определения того, «ради чего я живу»:

- 1) ради своего дела (группа ценностей самореализации);
- 2) ради себя (группа ценностей благополучия человека);
- 3) ради близких (группа ценностей «людей малого круга»);
- 4) ради других (группа ценностей «чужого мнения») (Таблица 1).

Таблица 1.
Операционализация базовых ценностей

Я живу...	Содержание	Индикаторы
Ради своего дела	Работа и профессионализм	Интересная работа Профессионализм в своем деле Общественная польза моего труда
Ради себя	Личное благополучие (физическое, душевное и социальное благополучие)	Душевный покой и комфорт Здоровье Физическая красота Материально-обеспеченная жизнь Досуг и хобби
Ради близких	Малый круг	Дети Родители Супруг(а), любимый человек Друзья
Ради других	Положение в глазах других	Репутация в глазах значимых для Вас людей Власть, возможность влиять на других людей Карьера Высокое положение в обществе

Перечень инструментальных ценностей разрабатывался с учетом форм капиталов, выделенных П. Бурдьё: каждому капиталу соответствует определенный набор инструментальных ценностей (Таблица 2)¹.

Эмпирической базой данной работы явились данные эмпирического социологического исследования, проведенного Центром социально-гуманитарных исследований учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет в 2023 году. В качестве объекта исследования выступило

¹ Лашук, И. В. Социокультурная трансформация современного белорусского общества / И. В. Лашук. – Минск : РИВШ, 2022. – 243 с. – С. 125–126

взрослое население Республики Беларусь. Для сбора эмпирической информации использовался метод индивидуального анкетирования (выборочная совокупность составила 1500 респондентов; предельная достигнутая ошибка выборки составила 2,5%).

Таблица 2.
Операционализация инструментальных ценностей

Капитал	Индикаторы
Экономический	Деньги
	Наличие собственности (жилье, машина и т. п.)
Символический	Авторитет ваших знаний и опыта
	Ваше положение в обществе
Социальный	Семья, родственники, близкие друзья
	Наличие связей среди профессионалов различных областей
	Наличие связей с людьми с высоким положением в обществе
Культурный	Образованность и профессиональная компетентность
	Знания, жизненный опыт
	Личностные качества (терпимость, духовность и т. п.)
	Деловые качества
	Здоровье
	Хорошая внешность

В исследовании использовалась вероятностная многоступенчатая территориальная выборка с проверкой квот.

1-я ступень – выборка пропорционально расслаивалась по 7 регионам (в качестве регионов выделяются 6 областей Беларуси и г. Минск).

2-я ступень – населенные пункты каждого региона пропорционально распределялись по 6 типам в зависимости от общей численности их населения:

1. Столица.
2. Областные центры.
3. Города с населением свыше 100 тыс. чел.
4. Города с населением 50-100 тыс. чел.
5. Города с населением до 50 тыс. чел.
6. Сельские населенные пункты.

3-я ступень – в каждом из 6 типов отдельного региона был проведен отбор населенных пунктов, в которых непосредственно проходил опрос.

4-я ступень – в каждом населенном пункте использовался маршрутный отбор домашних хозяйств (шаг отбора определялся типом и размером населенного пункта). В качестве единицы наблюдения выступал отобранный случайным образом (по дате рождения) один

член домохозяйства. На данной ступени отбора использовался контроль квот для обеспечения приближения структуры выборки к характеристикам генеральной совокупности.

В качестве контрольных признаков учитывались: пол, возраст (до 30 лет; 30-49; 50 лет и старше). При расчете объемов выборочной совокупности использовались данные переписи населения Республики Беларусь 2019 года

По результатам проведенного исследования первые три ранговых места в структуре базовых ценностей белорусского общества занимают (в порядке убывания): здоровье, родители, душевный покой, комфорт. Периферийное положение занимают такие ценности, как: карьера; высокое положение в обществе и власть, возможность влиять на других людей (рисунок 1).

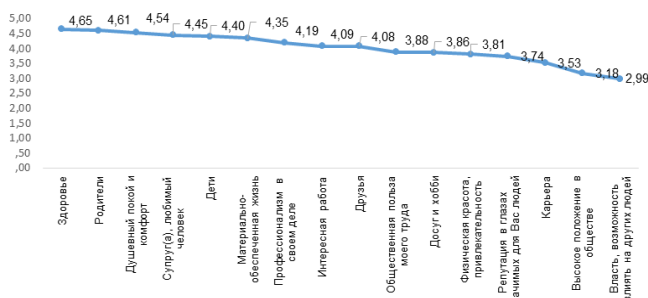

Рисунок 1 – Структура базовых ценностей белорусского общества, средний балл¹

Для более углубленного анализа базовых ценностей был использован факторный анализ, в результате чего выделено пять векторных ценностных групп²:

1. «Карьерный» вектор: власть, возможность влиять на других людей; карьера; высокое положение в обществе.

2. «Профессиональный»: интересная работа; профессионализм в своем деле; общественная польза труда.

3. «Семейный»: дети; родители; супруг(а), любимый человек.

4. «Социально-досуговый»: физическая красота, привлекательность. досуг и хобби; друзья; репутация в глазах значимых людей.

5. «Комфорт и здоровье»: душевный покой и комфорт; здоровье и материально-обеспеченная жизнь (Таблица 3).

В структуре инструментальных ценностей лидируют (в порядке убывания): семья, родственники, близкие друзья; знания и жизненный опыт; здоровье. Последние три ранговых места занимают: наличие связей с людьми с высоким положением в обществе; привлекательная внешность и положение в обществе (рисунок 2).

¹ Ценности оценивались по 5-балльной шкале, где 1 – самая низкая значимость; 5 – самая высокая.

² Объясняющая дисперсия – 63,8 %.

Таблица 3.
Матрица факторных нагрузок базовых ценностей

Показатель	Компонента ¹				
	1	2	3	4	5
Интересная работа	-0,081	0,447	-0,136	-0,021	0,012
Профессионализм в своем деле	-0,066	0,482	-0,045	-0,124	-0,030
Общественная польза моего труда	-0,047	0,425	0,024	-0,077	-0,131
Душевный покой и комфорт	-0,105	-0,029	-0,103	0,047	0,483
Здоровье	0,043	-0,042	0,115	-0,216	0,426
Физическая красота, привлекательность	-0,040	0,046	-0,133	0,279	0,111
Материально-обеспеченная жизнь	0,052	-0,111	-0,069	0,023	0,428
Досуг и хобби	-0,144	-0,027	-0,172	0,492	0,072
Дети	0,050	-0,039	0,452	-0,194	-0,018
Родители	0,004	0,024	0,365	-0,013	-0,041
Супруг(а), любимый человек	-0,014	-0,136	0,392	0,134	-0,048
Друзья	-0,113	-0,127	0,135	0,514	-0,136
Репутация в глазах значимых людей	0,122	-0,103	0,141	0,242	-0,124
Власть, возможность влиять на других людей	0,417	-0,115	0,052	-0,082	-0,038
Карьера	0,344	0,027	-0,035	-0,100	0,009
Высокое положение в обществе	0,442	-0,054	0,016	-0,174	0,031

Проведенный факторный анализ инструментальных ценностей позволил выделить пять векторов²:

1. «Социально-сетевой»: положение в обществе; наличие связей среди профессионалов различных областей; наличие связей с людьми с высоким положением в обществе.

2. «Профессионально-имиджевый» вектор: авторитет знаний и опыта; образованность и профессиональная компетентность; знания, жизненный опыт.

3. «Внешние и внутренние качества»: привлекательная внешность; личностные качества (терпимость, духовность и т. п.); деловые качества.

4. «Материальный»: деньги; наличие собственности (жилье, машина и т. п.).

¹ Метод выделения: анализ методом главных компонент. Метод вращения: Эквимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошлось за 6 итераций.

² Объясняющая дисперсия – 69,4 %.

5. «Семья и здоровье»: семья, родственники, близкие друзья; здоровье (Таблица 4).

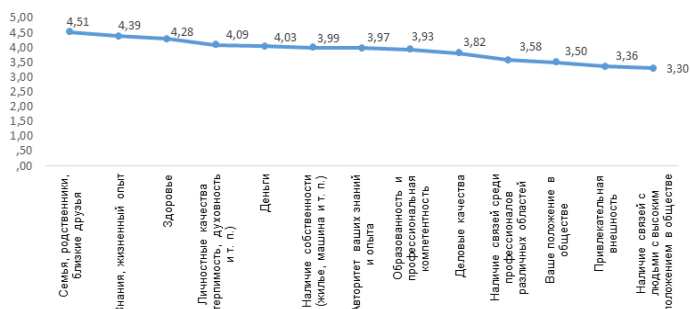

Рисунок 2 – Структура инструментальных ценностей, среднее значение¹

Таблица 4. Матрица факторных нагрузок инструментальных ценностей

Показатель	Компонента ²				
	1	2	3	4	5
Деньги	-0,025	-0,118	-0,012	0,588	-0,126
Наличие собственности (жилье, машина и т. п.)	-0,109	0,035	-0,140	0,518	0,053
Авторитет ваших знаний и опыта	-0,058	0,390	-0,059	0,120	-0,116
Положение в обществе	0,212	0,107	-0,028	0,095	-0,110
Семья, родственники, близкие друзья	0,042	-0,066	-0,232	-0,156	0,822
Наличие связей среди профессионалов различных областей	0,483	-0,058	-0,138	-0,105	0,075
Наличие связей с людьми с высоким положением в обществе	0,496	-0,121	-0,075	-0,040	-0,022
Образованность и профессиональная компетентность	0,077	0,380	-0,080	-0,108	-0,048
Знания, жизненный опыт	-0,140	0,502	-0,144	-0,045	0,073
Здоровье	-0,142	-0,128	0,155	0,091	0,424
Привлекательная внешность	0,044	-0,365	0,564	0,146	-0,079

¹ Ценности оценивались по 5-балльной шкале, где 1 – самая низкая значимость; 5 – самая высокая.

² Метод выделения: анализ методом главных компонент. Метод вращения: Эквимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошлось за 7 итераций.

Личностные качества (терпимость, духовность и т. п.)	-0,227	0,038	0,531	-0,152	0,090
Деловые качества	0,013	0,101	0,405	-0,131	-0,171

Итак, проведенный социокультурный анализ современного белорусского общества позволил создать модель жизненного социокультурного поведения населения Беларуси (рисунок 3).

Как показали результаты проведенного эмпирического замера, смысловые ориентиры достаточно стабильны и устойчивы и значимо не дифференцируются в зависимости от социально-демографических характеристик. Это вполне логично, поскольку они являются «предельными», базовыми ценностями, определяющими направленность жизни в целом. Инструментальные ценности или капиталы более мобильны и значимо различаются в разных социально-демографических и территориальных группах. Комбинации капиталов и степень их востребованности в проблемных жизненных ситуациях и определяют социокультурную стратификацию белорусского общества в целом и отдельных социальных групп в частности. В качестве ресурсов, капиталов и ценностей средств выступают, как отмечено ранее, инструментальные ценности (формулировка вопроса «Что (кто) помогает Вам справляться с жизненными проблемами?»).

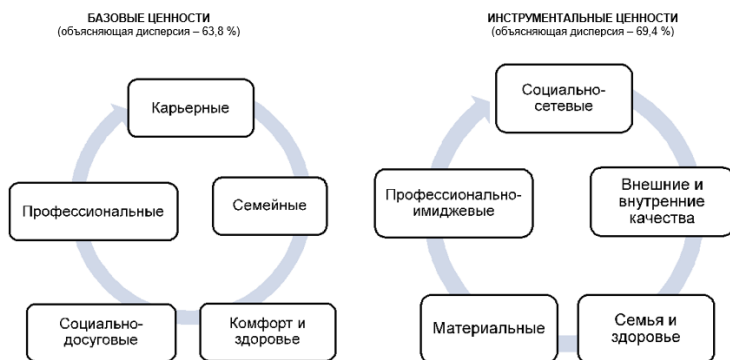

Рисунок 3 – Факторная модель жизненного социокультурного ориентирования населения Беларуси

Для осуществления эмпирической типологизации для каждого респондента рассчитывался ресурсный коэффициент, представляющий собой сумму баллов по оценке значимости инструментальных ресурсов. На базе полученного коэффициента осуществлен кластерный анализ (метод k-means), в результате чего получены группы с разными жизненными стратегиями социокультурного поведения. Чем большее количество ресурсов «включает» респондент в стратегию решения жизненных проблем, тем выше его социокультурная активность (рисунок 4).

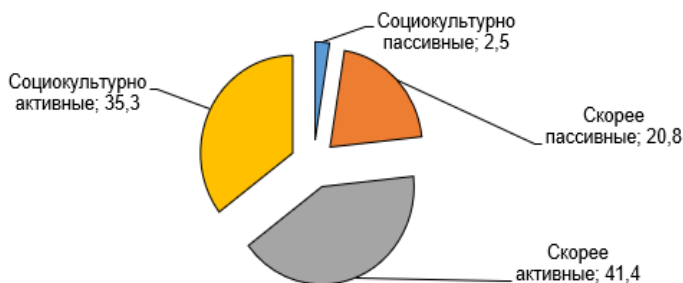

Рисунок 4 – Социокультурная структура современного белорусского общества, %

Итак, сконструированная в данной работе эмпирическая типология населения Беларуси в зависимости от ресурсного уровня позволила выстроить социокультурную структуру современного белорусского общества. В результате население Беларуси отличается достаточно высоким уровнем социокультурной активности, что является серьезным неэкономическим потенциалом развития Республики Беларусь.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абушенко, В. Л. Типологический подход к исследованию культуры в культур-социологии / В. Л. Абушенко // Социологический альманах : науч. изд. / НАН Беларуси, Ин-т социологии. – Минск, 2012. – Вып. 3. – С. 124–140.
2. Александер, Дж. Смыслы социальной жизни: культур-социология / Дж. Александер ; пер. с англ. Г. К. Ольховикова ; под ред. Д. Ю. Куракина. – М. : Праксис, 2013. – 640 с.
3. Бурдьё, П. Физическое и социальное пространства / П. Бурдьё // Социология социального пространства : избр. тр. : пер. с фр. / П. Бурдьё ; общ. ред. пер. Н. А. Шматко. – М. ; СПб., 2005. – С. 49–63.
4. Лашук, И. В. Социокультурная трансформация современного белорусского общества / И. В. Лашук. – Минск : РИВШ, 2022. – 243 с.

REFERENCES

1. Abushenko, V. L. Typological approach to the study of culture in cultural sociology [*Tipologicheskij podhod k issledovaniyu kul'tury v kul'tur-sociologii*] / V. L. Abushenko // Sociological almanac: scientific. ed. / NAS of Belarus, Institute of Sociology. – Minsk, 2012. – Issue. 3. – pp. 124–140.
2. Alexander, J. Meanings of social life: cultural sociology [*Smysly social'noj zhizni: kul'tursociologiya*] / J. Alexander; lane from English G. K. Olkhovikova; edited by D. Yu. Kurakina. – M.: Praxis, 2013. – 640 p.
3. Bourdieu, P. Physical and social spaces [*Fizicheskoe i social'noe prostranstva*] / P. Bourdieu // Sociology of social space: selected works. tr. : per. from fr. / P. Bourdieu; total ed. lane N. A. Shmatko. – M.; St. Petersburg, 2005. – pp. 49–63.
4. Lashuk, I.V. Sociocultural transformation of modern Belarusian society [*Sociokul'turnaya transformaciya sovremennogo belorusskogo obshchestva*] / I.V. Lashuk. – Minsk: RIVSH, 2022. – 243 p.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

PROBLEMS OF MODERN PROCESSES

*ЕВЛАЕВ Андрей Николаевич
кандидат политических
наук, доцент, Российский
университет транспорта,
Москва, Россия
evlaev@ya.ru*

*EVLAEV Andrey Nikolaevich
Candidate of Political Sciences,
Associate Professor, Russian
University of Transport,
Moscow, Russia
evlaev@ya.ru*

*ЗУБКОВ Сергей Александрович
доктор философских наук,
кандидат социологических наук
профессор, Российский
университет транспорта,
Москва, Россия
evlaev@ya.ru*

*ZUBKOV Sergey Aleksandrovich
Doctor of Philosophy, Candidate
of Sociological Sciences
Professor, Russian University of
Transport, Moscow, Russia
evlaev@ya.ru*

Развитие транспортных профессий в условиях цифровизации общества / Development of transport professions in the context of digitalization of society of the population

Аннотация

В статье проведен анализ этапов становления и развития профессионального института на железнодорожном транспорте. На современном этапе наиболее значимым фактором, оказывающим влияние на функционирование этого института стало стремительное развитие цифровых технологий. Автор, анализируя современное состояние профессионального института на железнодорожном транспорте, проводит оценку последствий внедрения цифровых технологий в этой отрасли и выделяет позитивные и негативные аспекты их внедрения.

Ключевые слова

Институт транспортных профессий; работники транспорта; Российский профсоюз железнодорожников и транспортных строителей; цифровизация; цифровые технологии.

Abstract

The article analyzes the stages of formation and development of a professional institute in railway transport. At the present stage, the most significant factor influencing the functioning of this institution was the rapid development of digital technologies. Analyzing the current state of the professional institute in railway transport, the author evaluates the consequences of the introduction of digital technologies in this industry and highlights the positive and negative aspects of their implementation.

Keywords

Institute of Transport Professions; transport workers; Russian Trade Union of Railway Workers and Transport Builders; digitalization; digital technologies.

На современном этапе в нашей стране на транспорте трудится большое количество рабочих и служащих. В 2021 году среднегодовая численность работников организаций транспорта, связанных с транспортировкой и хранением, составила 3,3 млн. чел..¹ Одним из крупных государственных предприятий, где на конец 2021 года работало 696,3 тыс. человек, является железнодорожная компания ОАО «РЖД».² Кроме того, работники таких отраслей, как локомотиво- и вагоностроительная промышленность, автомобильная и некоторых других в значительной мере работают для транспорта. Из этого следует, что важной социологической проблемой выступает исследование института транспортных профессий, формирование и развитие которого осуществляется в процессе:

- 1) появления общественной потребности в специализации деятельности по перевозке грузов и пассажиров для более эффективного удовлетворения общественных нужд;
- 2) формирования специальных требований, норм и стандартов, характеризующих данный вид деятельности;
- 3) определения характера специальных способностей, знаний и навыков индивидов, необходимых для выполнения данного вида деятельности.

В результате происходит образование в основных транспортных отраслях и признание со стороны общественности профессиональных групп работников транспорта, которых объединяет общность интересов, ценностных ориентаций, образцов поведения и образа жизни в целом. Становление и последующее постоянное воспроизводство всех перечисленных признаков как раз и обеспечивается институтом профессии.

Формируется профессиональная структура работников транспорта, которые различаются в зависимости от степени участия в транспортном процессе. Основные характеристики этой структуры раскрывает Таблица 1.

Институт транспортных профессий начинает интенсивно развиваться в первой половине XIX века на железнодорожных предприятиях в силу технической природы этой формы перевозного хозяйства. До этого, как отмечал А.И. Чупров, в древней истории и средние века «... перемещение товаров было, хотя отделено от производства, но соединено с торговлею. Образование специальных предприятий в области товарного передвижения совершалось прежде всего в водном транспорте: в приморских странах довольно рано по-

¹ См.: Транспорт в России. 2022: Стат.сб. / Росстат.- М.: 2022, с.10.

² См.: Численность и состав персонала. // [https:// ar.2021.rzd.ru](https://ar.2021.rzd.ru).

является торговый флот; затем образуются транспортные компании. Но появление отдельных предприятий не прекращает возможности соединения перевозки с другими отраслями хозяйственной деятельности. Хотя в морском транспорте существуют перевозные компании, но на том же море большая часть товаров передвигается самими торговцами ... ».¹ На железных дорогах при перемещении грузов может применяться лишь специализированный профессиональный труд: « Железнодорожная перевозка может быть выгоднее ... только при условии очень значительного движения: как бы ни была мала линия, их эксплуатация поглощает столько труда, что при этом не может быть речи о каком либо другом занятии».²

Таблица 1. Профессиональная структура работников транспорта.

№	Перечень профессий	Виды профессий
1.	Рабочие	1.1. рабочие, осуществляющие управление транспортными средствами – машинисты электропоездов, водители грузовиков и т.д.; 1.2. рабочие по техническому обслуживанию и ремонту транспортных средств – слесарь, наладчик и т.д.; 1.3. вспомогательные рабочие – помощник машиниста электропоезда и т.д..
2.	Специалисты	2.1. работники в сфере научных и опытно-конструкторских разработок – исследователи, проектировщики, конструкторы, технологи; 2.2. работники в сфере организации и управления технической базой транспортных предприятий – инженеры; 2.3. работники в сфере управления производственным процессом транспортных предприятий – менеджеры, финансисты, диспетчеры.
3.	Служащие	3.1. работники, осуществляющие обслуживание производства и управления – делопроизводители, курьеры, экспедиторы, охранники, кладовщики, товароведы; 3.2. работники социальной сферы транспортных предприятий – медицинский персонал, работники столовых, детсадов и т.д..
4.	Административно-управленческий персонал	4.1. Руководители транспортных предприятий и их заместители; 4.2. Руководители подразделений и служб транспортных предприятий; 4.2. Линейные руководители транспортных предприятий – сменный мастер, бригадир и т.д..

¹ Чупров А.И. Железнодорожное хозяйство, его экономические особенности и его отношения к интересам страны. – М.: 1875, с.62-63.

² Там же.

Далее, выделяя особенности профессионального института на железнодорожном транспорте, А.И. Чупров пишет: «Где перевозка выделилась в самостоятельную отрасль хозяйства, повсюду замечается стремление расширять предприятия: условия непрерывного и регулярного следования по пути гораздо вернее и точнее может быть выполнено в крупном хозяйстве с централизованным управлением».¹ Таким образом, труд железнодорожников осуществляется в рамках крупных предприятий. Многообразие производственных процессов на железнодорожном транспорте требует привлечения для их выполнения работников различных профессий и специальностей, применения сложных форм организации их деятельности.

В работу железнодорожных предприятий включены специалисты как физического труда, так и интеллектуального труда, в качестве которых выступают инженеры и ученые. Применение их труда на железных дорогах А.И. Чупров объясняет высокой долей постоянного капитала и широким применением предварительного труда, связанного с профессиональным изобретением учеными и инженерами машин и механизмов: «... ни в каком из предшествующих способов передвижения доля, приходящаяся на постоянный капитал, не была так велика, как в железных дорогах: все усовершенствования перевозки произведены здесь тем, что труд текущий заменен трудом предварительным; на долю труда текущего остается только регулирование механизма».²

Организация труда как составная часть профессионального института на железных дорогах определяется следующими особенностями данной отрасли транспорта:

- непрерывность перевозочной работы: перевозочный процесс осуществляется днем и ночью без учета выходных и праздничных дней, независимо от погодных условий;
- территориальная разобщенность работников транспорта: структурные подразделения железнодорожного комплекса расположены на существенном расстоянии друг от друга, но они обуславливают единый технологический процесс и потому составляют звенья единой транспортной цепи;
- работа значительной части железнодорожников имеет разъездной характер;
- повышенный уровень опасности, так как значительная часть трудовых
- процессов связана с движением поездов.

Содержание организации труда на железнодорожном транспорте включает в себя:

- установление круга работ и операций основного и вспомогательного производств и последовательности их выполнения, функций по

¹ Там же, с.64.

² Чупров А.И. Железнодорожное хозяйство, его экономические особенности и его отношения к интересам страны. – М.: 1875, с. 65.

обслуживанию производства, расчет количества работников по профессиям и специальностям, установление взаимосвязей работников в процессе труда, форм его разделения и кооперации;

- подбор, профессиональную подготовку и расстановку кадров, четкое определение обязанностей каждого работника;

- регламентацию трудового процесса на каждом рабочем месте, обеспечение рабочих мест соответствующей оснасткой и установление системы их обслуживания;

- регламентацию режима труда и отдыха, создание необходимых санитарных и производственно-бытовых условий, обеспечивающих гигиену и безопасность труда;

- установление норм труда и его оплаты, выбор форм материального и морального стимулирования роста производительности труда и улучшения качества работ;

- обеспечение дисциплины труда, способствующей четкому выполнению каждым работником возложенных на него обязанностей и слаженности в работе всего коллектива.

Наиболее распространенная форма организации труда на железнодорожном транспорте — по графикам. Труд значительной группы работников направлен на обеспечение бесперебойного движения поездов, которое регламентируется графиком движения поездов и расписанием. На основе графиков и расписания движения поездов разрабатывают графики работы локомотивных бригад, проводников пассажирских вагонов. Графиком определяется время работы и отдыха железнодорожников, а в ряде случаев — и содержание работы. Неукоснительное соблюдение графиков работы является важнейшим требованием правильной организации труда на предприятиях, связанных с организацией перевозочного процесса.

На крупных технических станциях организуются единые смены, в состав которых включаются работники разных служб и профессий, занятые на работах по приему, отправлению, формированию, расформированию поездов, маневровой работе. Единые смены работают по единому плану и имеют единое диспетчерское руководство.

В рамках профессионального института на железнодорожном транспорте действуют особые профессиональные организации (профессиональные объединения, союзы и т.п.), назначение которых заключается в следующем:

- формирование определенных профессиональных интересов, ценностей, норм, стилей и образцов поведения, профессиональных ролей;

- сплочение на этой основе людей по признаку принадлежности к данной

- профессии и профессиональной общности;

- защита интересов, ценностей и норм конкретной профессиональной общности.

Для защиты профессиональных интересов работников физического труда в отрасли железнодорожного транспорта созданы профсоюзы. В современной России эту функцию реализует Российский профсоюз железнодорожников и транспортных строителей (Роспфжел), насчитывающий в своих рядах около 1,5 млн. чел., а на глобальном уровне – Международная федерация транспортников (МФТ), которая объединяет более 600 профсоюзов транспортников, включающих свыше 19 миллионов членов из 140 стран мира.¹

Анализируя современное состояние профессионального института на железнодорожном транспорте, следует выделить такой его детерминант, как цифровые технологии. Подробно влияние этого фактора на железнодорожные профессии проанализировано авторами в ряде научных работ.² Обобщая их материал можно выделить следующее.

Среди цифровых технологий, оказывающих влияние на профессиональную структуру железнодорожной отрасли в нашей стране, выделяется внедрение компьютерных технологий, диагностики пути и подвижного состава, автоматической продажи билетов. Последствием является сокращение билетных кассиров, рабочих, занимающихся ремонтом пути, обслуживанием вагонов и локомотивов.

В перспективе намечаются изменения в составе машинистов локомотивов, а также в условиях их труда, вызванные внедрением автоведения. Это новшество облегчает машинисту выполнение функций контроля за работой узлов и агрегатов локомотива, уменьшает его психологические и физиологические нагрузки.

Вместе с позитивным следует отметить также негативное влияние цифровых технологий на профессиональную структуру железнодорожной отрасли в нашей стране. Открываются возможности с помощью этих технологий для расширения надзора за работой персонала, что служит новым источником конфликтов между администрацией и наемным и наемными работниками и приводит к нарушению трудовых прав, включая свободу труда. При этом усиливается действие такого фактора как социальный демпинг, который используют работодатели для эксплуатации наемных работников.

Перед лицом возникших новых проблем железнодорожные рабочие и их профсоюзы ведут поиск эффективных методов защиты

¹ См.: Зубков С.А., Крайнов Г.Н. Транспортные профсоюзы как составная часть международного профсоюзного движения: Монография. М.: Инфра-М, 2017; Зубков С.А., Крайнов Г.Н. Мировое профсоюзное движение в условиях глобализации: Монография. М.: МИИТ, 2021.

² См.: Зубков С.А., Крайнов Г.Н. Мировое профсоюзное движение в условиях глобализации: Монография. М.: МИИТ, 2021, гл. 7: Зубков С.А., Евлаев А.Н. Глобальные профсоюзы в поисках модели справедливой цифровой экономики // ПОИСК, 2020, № 4, с. 90-99; и др..

своих трудовых прав. Так, МФТ в октябре 2018 года на своем 44-м Конгрессе приняла стратегию действий профсоюзов при , которую поддерживали и используют на современном этапе российские железнодорожные профсоюзы. Данная стратегия базируется на ряде принципов, содержание которых демонстрирует следующая таблица.

Таблица 2. Стратегия защиты трудовых прав железнодорожных рабочих в условиях смены технологий

Основные принципы стратегии	Содержание принципов
1. Демократическое планирование развития	Установление форм собственности, которые открывают трудящимся возможность реально влиять на смену технологий.
2. Доступ трудящимся к данным о том, что они производят	Законодательное обеспечение доступа трудящихся к информации о планах технологических преобразований.
3. Обеспечение мобильности занятости	Обязательное включение в планы технологических преобразований программ переобучения высвобождаемых работников, предоставления им новых рабочих мест.
4. Выбор точек отсчета для навыков и уровня квалификации	Введение квалификационных сертификатов, содержащих перечень навыков, которыми должны овладеть работники при освоении ими новых профессий.
5. Сокращение часов работы	Применение мер, обеспечивающих адаптацию трудящихся к смене технологий (введение сокращенного рабочего дня и недели, досрочный выход на пенсию).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Зубков С.А., Крайнов Г.Н. Мировое профсоюзное движение в условиях глобализации: Монография. М.: МИИТ, 2021, гл. 7: Зубков С.А., Евлаев А.Н. Глобальные профсоюзы в поисках модели справедливой цифровой экономики // ПОИСК, 2020, № 4, с. 90-99; и др..

2. См.: Зубков С.А., Крайнов Г.Н. Транспортные профсоюзы как составная часть международного профсоюзного движения: Монография. М.: Инфра-М, 2017; Зубков С.А., Крайнов Г.Н. Мировое профсоюзное движение в условиях глобализации: Монография. М.: МИИТ, 2021.

3. Чупров А.И. Железнодорожное хозяйство, его экономические особенности и его отношения к интересам страны. – М.: 1875, с.62-63.

REFERENCES

1. Zubkov S.A., Krainov G.N. The world trade union movement in the context of globalization [*Mirovoe profsoyuznoe dvizhenie v usloviyah globalizacii*]: Monograph. M.: MIIT, 2021, ch. 7: Zubkov S.A., Yevlaev A.N. Global trade unions in search of a model of a fair digital economy //

SEARCH, 2020, No. 4, pp. 90-99; etc..

2. See: Zubkov S.A., Krainov G.N. Transport trade unions as an integral part of the international trade union movement [*Transportnye profsoyuzy kak sostavnaya chast' mezhdunarodnogo profsoyuznogo dvizheniya*]: Monograph. M.: Infra-M, 2017; Zubkov S.A., Krainov G.N. The world trade union movement in the context of globalization: Monograph. M.: MIIT, 2021.

3. Chuprov A.I. The railway industry, its economic features and its relationship to the interests of the country [*Zheleznodorozhnoe hozyajstvo, ego ekonomicheskie osobennosti i ego otnosheniya k interesam strany*]. – M.: 1875, pp.62-63.

*ПОПОВ Сергей Владимирович
преподаватель, Московский
финансово-промышленный
университет "Синергия",
Москва, Россия
mailto:ava-tech@list.ru*

*POPOV Sergey Vladimirovich
Lecturer, Moscow Financial and
Industrial University "Synergy",
Moscow, Russia
mailto:ava-tech@list.ru*

Сберегательное поведение как фактор повышения социальной адаптивности населения / Saving behavior as a factor in increasing the social adaptability of the population

Аннотация

Целью данной статьи выступает изучение роли сберегательного поведения как фактора социальной адаптации населения. В рамках исследования были рассмотрены основы сберегательного поведения населения, изучены параметры анализа сберегательных стратегий, а также выявлены факторы влияния на сберегательное поведения населения. Кроме того, были определены архетипы, которые оказывают влияние на современное сберегательное поведение населения. В рамках работы были изучены основные положения, связанные с определением и сущностью социальной адаптации, функциями данного явления, а также механизмами. Кроме того, были выявлены типы социальной адаптации, которые тесно связаны с механизмами данного феномена. Важное место в работе занимает анализ влияния сберегательного поведения на социальную адаптацию. В ходе исследования были определены особенности сберегательного поведения населения, проведен анализ социальной адаптивности индивидов, а также выявлена связь между выбранной сберегательной стратегией и социальной адаптивностью.

Ключевые слова

Социальная адаптация; сберегательное поведение; адаптационный потенциал; доверие; сбережения; население; адаптационная стратегия.

Abstract

The purpose of this article is to study the role of savings behavior as a factor of social adaptation of the population. Within the framework of the study, the basics of the savings behavior of the population were considered, the parameters of the analysis of savings strategies were studied, and factors of influence on the savings behavior of the population were identified. In addition, archetypes have been identified that influence the modern savings behavior of the population. Within the framework of the work, the main provisions related to the definition and essence of social adaptation, the functions of this phenomenon, as well as mechanisms were studied. In addition, the types of social adaptation that are closely

related to the mechanisms of this phenomenon have been identified. An important place in the work is occupied by the analysis of the impact of savings behavior on social adaptation. In the course of the study, the peculiarities of the savings behavior of the population were determined, the analysis of the social adaptability of individuals was carried out, and the relationship between the chosen savings strategy and social adaptability was revealed. Conclusions. Saving behavior has a significant impact on the choice of adaptation strategy and its mechanisms, and also has a positive effect on the adaptability of individuals. Depending on the chosen savings strategy, it is possible to identify types of individuals and assess their social adaptability.

Keywords

Social adaptation; saving behavior; adaptive potential; trust; savings; population; adaptation strategy.

Актуальность исследования связана с тем, что в условиях социально-экономической нестабильности повышается важность социальной адаптации населения. Кроме того, наблюдается усиление воздействия цифровизации на способность индивидов к адаптации, при этом указанное воздействие не всегда является положительным.¹ В подобных условиях сберегательное поведение, которое направлено на формирование «подушки безопасности» может стать важным элементом приспособления индивидов и повышения их устойчивости в текущей социально-экономической системе.

Проблема данной научной работы заключается в том, что текущие механизмы социальной адаптации недостаточно эффективны, при этом паттерны сберегательного поведения не во всех случаях способствуют повышению адаптивности населения.

Цель исследования: изучить роль сберегательного поведения как фактора социальной адаптации населения.

Задачи:

1. Рассмотреть основы сберегательного поведения населения;
2. Изучить ключевые механизмы социальной адаптации индивидов;
3. Определить элементы влияния сберегательного поведения на социальную адаптацию населения;
4. Сформировать типы индивидов в зависимости от их сберегательного поведения и адаптационной стратегии.

Объект – социальная адаптивность как совокупность характеристик индивидов.

Предмет – сберегательное поведение как фактор повышения социальной адаптивности населения

¹ Шиняева О. В., Полетаева О. В., Слепова О. М. Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – №. 4 (152). – С. 68-85.

Сберегательное поведение рассматривается как совокупность действий индивидов, связанных с накоплением денежных средств, капитала и иных ресурсов. При этом сущность сберегательного поведения проявляется в накоплении именно той части ресурсов, которые не связаны с текущим потреблением.¹

В рамках социологических исследований сберегательного поведения важное место занимает анализ мотивов и установок индивидов, касающихся выбора сберегательной стратегии. Кроме того, уделяется большое внимание изучению причин, влияющих на сберегательное поведение. В российской практике особое место занимает анализ сберегательно-инвестиционного механизма, так как он является частью финансового поведения и отражением финансовой культуры населения. Это связано с тем, что на данный момент данный механизм не развит, что негативно отражается как на положении отдельных индивидов или групп, так и на устойчивости всей социально-экономической системы.

Современный анализ сберегательного поведения населения сопряжен с определенными параметрами, которые отражают конкретные аспекты данного явления. Первым показателем выступает наличие факта сберегательного поведения, так как это наиболее общий индикатор, который может быть использован для дихотомического деления населения. Далее следует отметить норму сбережений, которая отражает как возможности индивидов, так и их ожидания относительно будущего. Для более детального разделения индивидов на группы в зависимости от сберегательной стратегии изучаются используемые инструменты, так как они имеют разные характеристики. Например, наиболее популярный вид сбережений связан с наличными деньгами, при этом он не является самым выгодным. В случае с более выгодными инструментами возникают дискуссионные вопросы, которые касаются отнесения инструмента к той или иной группе. Типичным примером выступает вклад в банке, который одними исследователями рассматривается как инструмент инвестиционного поведения, так как он приносит прибыль, а другими относится к сберегательной стратегии, так как проценты по вкладу часто коррелируют с темпами инфляции (в таком случае вклад рассматривается как механизм хеджирования от инфляционных процессов).

Сберегательное поведение сопряжено с тем, что причины подобного поведения являются достаточно разнообразными для выделения отдельных групп и кластеров индивидов в зависимости от мотивов. Наиболее часто сберегательная стратегия основана на желании повышения устойчивости индивида или домохозяйства; кроме того, выделяется «отложенный спрос», который выражается в

¹ Максимова И. В., Скачкова И. И. Сберегательное поведение населения России: синтез кейнсианской и неоклассических теорий // Научный результат. Экономические исследования. – 2023. – Т. 9. – № 1. – С. 127-137.

негативном отношении к кредитным инструментам и сбережении для осуществления крупных покупок.

Сберегательное поведение населения зависит от ряда факторов, которые в ходе исследования были разделены на 3 группы: социально-демографические, социальные, экономические (Рисунок 1).

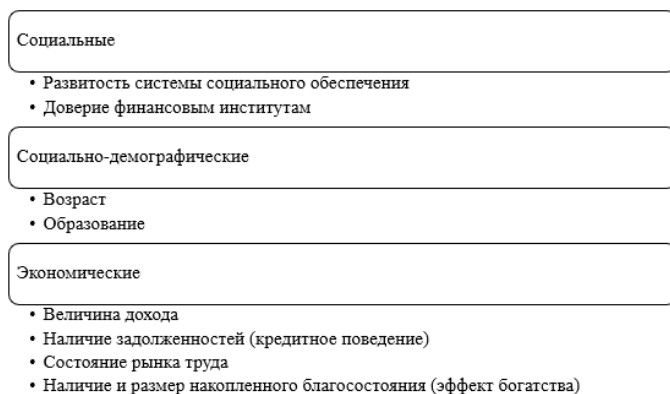

Рисунок 1 – Комплекс факторов влияния на сберегательное поведение населения¹

Важно отметить, что мотивы сберегательного поведения обусловлены не только факторами, но и определенными архетипами, которые укоренились в массовом сознании. Один из самых важных архетипов связан с постоянным сбережением, которые было распространено в СССР, что, в свою очередь, было вызвано дефицитом товаров.

Социальная адаптация выступает как важный процесс, который выражается в приспособлении индивидов к изменяющимся внешним условиям. Адаптация считается успешной, если индивид смог безболезненно принять трансформации во внешней среде и подстроиться под них. Изучение адаптации связано как с отдельными индивидами (в особенности представителями социально незащищенных групп), так и с социальными группами.

Социальная адаптивность выражается как способность индивида приспосабливаться к изменениям во внешней среде. Оценка адаптивности в исследовательской среде на данный момент часто проводится благодаря изучению социально-психологических характеристик индивидов вместе с анализом их социально-экономического положения. Данный подход позволяет комплексно рассматривать адаптационный процесс и выделять возможные проблемные аспекты, связанные с данным явлением.

Социальная адаптация обладает рядом функций, которые

¹ Маратканова И. В. Влияние факторов внутренней и внешней среды на сберегательное поведение домашних хозяйств России // Финансы и кредит. – 2019. – Т. 25. – №. 1 (781). – С. 159-176.

отражают способность индивида или социальной группы к приспособлению к существующим условиям. Первая функция связана с достижением оптимального равновесия в динамичной системе «личность – социальная среда». Это наиболее общая и базовая функция, которая характеризует весь процесс социальной адаптации. Следующая функция связана с регулированием коммуникационного процесса и других форм взаимодействия. Это касается не только других индивидов, но и более крупных социальных структур. В рамках социальной адаптации важное место занимает функция, направленная на сохранение психического здоровья; с ней связана еще одна функция, отражающая особенности внутреннего мира индивидов и направленная на самопознание и самокоррекцию в процессе приспособления к изменяющимся условиям. Следующая функция направлена на развитие творческих возможностей и способностей личности; данная функция также оказывает воздействие на повышение социальной активности индивидов. Последняя функция связана с повышением стабильности и сплоченности социальной среды; она похожа на первую функцию благодаря своему общему и комплексному характеру, а также отражает положительный сценарий процесса социальной адаптации.

Механизмы социальной адаптации тесно связаны с адаптационным потенциалом, который рассматривается как совокупность проявлений деятельности индивида, связанных с эффективным приспособлением к меняющимся условиям. Так, адаптационный потенциал состоит из следующих элементов:

1. Способность быстро реагировать на изменения во внешней среде;
2. Возможность противостоять негативным внешним изменениям;
3. Способность использовать все имеющиеся ресурсы для повышения адаптивности;
4. Гибкость в процессе выбора адаптационной стратегии.

Механизмы адаптации можно разделить на 3 группы:

1. В зависимости от направленности развития: конструктивные и деструктивные;
2. В зависимости от использованных стратегий и ресурсов: инновационные и традиционные;
3. В зависимости от горизонта планирования: тактические и стратегические.

Механизмы адаптации, которые также связаны с показателем адаптивности, зависят от видов рассматриваемого процесса. Так, адаптация может быть представлена следующими типами (Рисунок 2).

В рамках исследования был проведен опрос населения (n=480), выборка является случайной. Необходимо отметить, что большинство респондентов имеют сбережения (72%), при этом среди людей старше 45 лет данный показатель занимает 84%. Среди тех, кто не имеет сбережений, 46% отметили желание откладывать денежные сред-

ства. Наиболее популярная причина отсутствия сбережений заключается в невозможности откладывать из-за недостаточности денежных средств.

Рисунок 2 – Типы адаптационного процесса¹

Было установлено, что среди тех, у кого есть сбережения, нет общего мнения касательно достаточности сбережений. Так, 53% отметили, что на данный момент их сбережения являются недостаточными, при этом основная причина заключается не в желании совершения крупной покупки, а в беспокойности за свое будущее. Среди тех, кто не удовлетворен размером собственных сбережений, отмечается более высокая регулярность сберегательных действий, что коррелирует с их текущими установками.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что большинство опрошенных имеют активность в рамках сберегательного поведения, однако существуют значительные различия в частоте сберегательных действий и размере сбережений.

Следующий блок исследования был связан с оценкой социальной адаптивности населения. Для начала был задан вопрос о самооценке респондентов способности к трансформации поведения в случае изменений во внешней среде. Было установлено, что респонденты были разделены на 2 большие группы, а именно на тех, кто высоко оценивает свою адаптивность, а также тех, кто достаточно скептически относится к возможному изменению своего поведения. Исходя из этого, важно отметить, что практически отсутствует пласт индивидов, которые оценивали бы собственную адаптивность на среднем уровне, из-за чего возникают подобные полярные группы.

Среди опрошенных наблюдается скорее консервативный

¹ Дорошенко С. В., Трушкова Е. А. Макромодель адаптации населения в изменяющейся экономике: подходы и решения // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16. – №. 4. – С. 617-629.

комплекс установок, так как большинство из них скорее негативно относятся к потенциальным изменениям во внешней среде (48%), также высока доля тех, кто нейтрален к изменениям (29%). При этом данное положение также можно обосновать с позиции пессимистичной позиции относительно будущего. Это подтверждается тем фактом, что среди людей среднего возраста и старше ожидания от будущего являются намного менее позитивными, чем среди представителей молодежи. При этом стоит отметить, что в аспекте оценки социально-психологического самочувствия не было выявлено значительных возрастных различий, при этом был выделен гендерный перекося в сторону более высокой оценки среди женщин.

Адаптационные стратегии, применяемые респондентами, делятся на 2 вида:

1. Увеличение трудовой нагрузки (иногда совместно со снижением расходов);
2. Использование сбережений.

По итогам исследования были выделены следующие типы индивидов в зависимости от сберегательного поведения и адаптационной стратегии:

1) «Пессимисты» – не имеют достаточного количества сбережений, не регулярно откладывают, пессимистично оценивают свое будущее, скорее негативно относятся к изменениям;

2) «Осторожные» – консервативны, регулярно совершают сберегательные действия, скорее довольны размером своих сбережений, не любят изменения, при этом оценивают свою адаптивность ниже среднего;

3) «Авантюристы» – довольны размером своих сбережений, не занимаются регулярным откладыванием денег, высоко оценивают собственную адаптивность, позитивно относятся к изменениям.

4) «Прагматичные» – удовлетворены размером собственных сбережений, регулярно откладывают деньги, оценивают свою адаптивность выше среднего, социально-психологическое самочувствие на высоком уровне, отношение к изменениям нейтральное, ожидания относительно будущего нейтральные.

Таким образом, сберегательное поведение представляет собой комплекс действий, норм и установок индивидов относительно свободных денежных средств. Среди населения выявлено стремление к сбережению, однако оно не в полной мере реализуется ввиду объективных причин (нехватка денег).

Сберегательное поведение непосредственным образом отражается на адаптивности индивидов, так как в зависимости от него выбирается возможная адаптационная стратегия.¹

Сберегательное поведение оказывает значительное воздействие

¹ Максимова И. В., Скачкова И. И. Сберегательное поведение населения России: синтез кейнсианской и неоклассических теорий // Научный результат. Экономические исследования. – 2023. – Т. 9. – №. 1. – С. 127-137.

на выбор адаптационной стратегии и ее механизмов, а также положительно влияет на адаптивность индивидов. В зависимости от выбранной сберегательной стратегии возможно выделение типов индивидов и оценка их социальной адаптивности.

Выделяются типы индивидов в зависимости от того, какую модель сберегательного поведения они выбрали, что, в свою очередь, оказывает воздействие на адаптационную стратегию.

Подводя итог, следует отметить, что сберегательное поведение следует рассматривать как важный фактор адаптивности населения. Адаптивность индивидов находится на среднем уровне как по их самооценке, так и по тому, что установки относительно будущего являются в большинстве своем негативными. Сберегательное поведение при этом позволяет более позитивно оценивать текущее положение, что, в свою очередь, должно положительно отражаться на социально-психологическом самочувствии индивидов. Сберегательные действия при этом связаны не только с текущим уровнем адаптивности индивидов, но и с адаптационным потенциалом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Амосова Н. А., Коровин Д. И., Литвин В. В. Благополучие и сберегательное поведение субъектов российской экономики // Банковские услуги. – 2020. – №. 5. – С. 2-11.
2. Дорошенко С. В., Трушкова Е. А. Макромодель адаптации населения в изменяющейся экономике: подходы и решения // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16. – №. 4. – С. 617-629.
3. Козлова О. А. и др. Оценка адаптации населения к изменениям условий жизнедеятельности с позиции конвергенции региональных систем расселения // Экономика региона. – 2020. – Т. 16. – №. 1. – С. 84-96.
4. Максимова И. В., Скачкова И. И. Сберегательное поведение населения России: синтез кейнсианской и неоклассических теорий // Научный результат. Экономические исследования. – 2023. – Т. 9. – №. 1. – С. 127-137.
5. Маллаева М. И., Ниналалова Ф. И. Сберегательное поведение домашних хозяйств в условиях современной России // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2020. – №. 6. – С. 128-131.
6. Маратканова И. В. Влияние факторов внутренней и внешней среды на сберегательное поведение домашних хозяйств России // Финансы и кредит. – 2019. – Т. 25. – №. 1 (781). – С. 159-176.
7. Смолева Е. О. Критерии и ресурсы социальной адаптации населения России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12. – №. 2. – С. 179-195.
8. Тужба Э. Н. Адаптация личности в условиях новой социальной среды: теория исследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – №. 11. – С. 117-121.
9. Шиняева О. В., Полетаева О. В., Слепова О. М. Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – №. 4 (152). – С. 68-85.
10. Шишкина Н. В., Сабетова Т. В. Сберегательное поведение

как интегральный элемент экономического поведения индивида // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. – 2022. – Т. 84. – №. 2 (92). – С. 413-420.

11. Ameriks J. et al. Long-term-care utility and late-in-life saving // Journal of Political Economy. – 2020. – Т. 128. – №. 6. – С. 2375-2451.

12. García J. M., Vila J. Financial literacy is not enough: The role of nudging toward adequate long-term saving behavior // Journal of Business Research. – 2020. – Т. 112. – С. 472-477.

13. Hartono U., Isbanah Y. Students' Saving Behaviour: What Are The Motives That Influence Them To Save // Jurnal Ekonomi Bisnis Dan Kewirausahaan. – 2022. – Т. 11. – №. 3. – С. 363-370.

14. Kaiser T. et al. Financial education affects financial knowledge and downstream behaviors // Journal of Financial Economics. – 2022. – Т. 145. – №. 2. – С. 255-272.

15. Widjaja I., Arifin A., Setini M. The effects of financial literacy and subjective norms on saving behavior // Management Science Letters. – 2020. – Т. 10. – №. 15. – С. 3635-3642.

REFERENCES

1. Amosova N. A., Korovin D. I., Litvin V. V. Welfare and savings behavior of subjects of the Russian economy [*Blagosostoyanie i sberegatel'noe povedenie sub"ektov rossijskoj ekonomiki*] // Banking services. – 2020. – No. 5. – pp. 2-11.

2. Doroshenko S. V., Trushkova E. A. Macromodel of population adaptation in a changing economy: approaches and solutions [*Makromodel' adaptacii naseleniya v izmenyayushchejsya ekonomike: podhody i resheniya*] // Journal of Economic Theory. – 2019. – Vol. 16. – No. 4. – pp. 617-629.

3. Kozlova O. A. et al. Assessment of adaptation of the population to changes in living conditions from the perspective of convergence of regional settlement systems [*Ocenka adaptacii naseleniya k izmeneniyam uslovij zhiznedejatel'nosti s pozicii konvergencii regional'nyh sistem rasseleniya*] // The economy of the region. – 2020. – Vol. 16. – No. 1. – pp. 84-96.

4. Maksimova I. V., Skachkova I. I. Savings behavior of the Russian population: synthesis of Keynesian and neoclassical theories [*Sberegatel'noe povedenie naseleniya Rossii: sintez kejnsijskoj i neoklassicheskikh teorij*] // Scientific result. Economic research. – 2023. – Vol. 9. – No. 1. – pp. 127-137.

5. Mallaeva M. I., Ninalalova F. I. Savings behavior of households in modern Russia [*Sberegatel'noe povedenie domashnih hozyajstv v usloviyah sovremennoj Rossii*] // Economics and Management: a scientific and practical journal. – 2020. – №. 6. – Pp. 128-131.

6. Maratkanova I. V. The influence of factors of the internal and external environment on the savings behavior of households in Russia [*Vliyaniye faktorov vnutrennej i vneshnej sredy na sberegatel'noe povedenie domashnih hozyajstv Rossii*] // Finance and credit. – 2019. – Vol. 25. – №. 1 (781). – Pp. 159-176.

7. Smoleva E. O. Criteria and resources of social adaptation of the Russian population [*Kriterii i resursy social'noj adaptacii naseleniya Rossii*] // Economic and social changes: facts, trends, forecast. – 2019. – Vol. 12. – No. 2. – pp. 179-195.

8. Tuzhba E. N. Adaptation of personality in a new social environment:

theory of research [*Adaptatsiya lichnosti v usloviyah novoy social'noj sredy: teoriya issledovaniya*] //Humanities, socio-economic and social sciences. – 2019. – No. 11. – pp. 117-121.

9. Shinyaeva O. V., Poletaeva O. V., Slepova O. M. Information and digital inequality: the search for effective practices of adaptation of the population [*Informatsionno-tsifrovoye neravenstvo: poiski effektivnykh praktik adaptatsii naseleniya*] //Monitoring public opinion: economic and social changes. – 2019. – No. 4 (152). – Pp. 68-85.

10. Shishkina N. V., Sabetova T. V. Saving behavior as an integral element of an individual's economic behavior [*Sberegatel'noye povedeniye kak integral'nyy element ekonomicheskogo povedeniya individa*] //Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies. – 2022. – T. 84. – No. 2 (92). – Pp. 413-420.

11. Ameris J. et al. The usefulness of long-term care and savings in the later stages of life //Journal of Political Economy. – 2020. – Vol. 128. – No. 6. – pp. 2375-2451.

12. Garcia H. M., Vila H. Financial literacy is not enough: the role of pushing for adequate long-term savings behavior //Journal of Business Research. - 2020. – Vol. 112. – pp. 472-477.

13. Khartono U., Isbana Y. Saving behavior of students: what are the motives that encourage them to save //Journal of Business Economics Dan Kevirausakhan. – 2022. – Vol. 11. – No. 3. – pp. 363-370.

14. Kaiser T. et al. Financial education influences financial knowledge and subsequent behavior //Journal of Financial Economics. – 2022. – Vol. 145. – No. 2. – pp. 255-272.

15. Vijaya I., Arifin A., Setini M. The influence of financial literacy and subjective norms on saving behavior //Management Science Letters. – 2020. – Vol. 10. – No. 15. – pp. 3635-3642.

РУССКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

THE RUSSIAN WORLD: HISTORY AND MODERNITY

МОРОЗОВА

*Надежда Михайловна
доктор философских наук,
доцент, профессор, Воронежский
институт МВД России,
Воронеж, Россия
nadezhdamorozova11@gmail.com*

MOROZOVA

*Nadezhda Mikhailovna
doctor of philosophy, associate
professor, professor, Voronezh
institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Voronezh, Russia
nadezhdamorozova11@gmail.com*

ПЕРВУШИНА

*Валентина Николаевна
доктор философских наук,
профессор, профессор,
Государственный университет
правосудия, Центральный
филиал, Воронеж, Россия
VeraValen47@ yandex.ru*

PERVUSHINA

*Valentina Nikolaevna
doctor of philosophy, professor,
professor, State university of
justice, Central branch, Voronezh,
Russia
VeraValen47@ yandex.ru*

ТАЛЫНЁВ Валерий Егорович
*доктор социологических наук,
доцент, профессор кафедры
социально-гуманитарных,
экономических и правовых
дисциплин Воронежского
института МВД России,
Воронеж, Россия
v.talynyov@yandex.ru*

TALYNEV Valery Egorovich
*doctor of sociology, associate
professor, professor of
the department of social,
humanitarian, economic and
legal disciplines of the Voronezh
institute of the Ministry of
Internal Affairs of Russia. E-mail:
v.talynyov@yandex.ru*

Цивилизационно-культурологический подход к пониманию власти / Civilizational and cultural approach to understanding power

Аннотация

В статье авторы предпринимают попытку проанализировать понятие власти, её сущность и особенности с точки зрения цивилизационно-культурологического подхода. В современном мире, утратившем духовные ориентиры, цивилизационная опора – единственное условие выживания. Авторы считают, что осмысление власти в парадигме цивилизационно-культурологического подхода даёт возможность объяснить истоки формирования корней расизма и фашизма в протестантской культуре, избежать европоцентризма, показать невозможность и деструктивность преобладания одной матрицы власти и ценностей.

Ключевые слова

Цивилизационно-культурологический подход; культурный код; протестантская/православная культура; власть; демократия; тоталитаризм; свобода.

Abstract

In the article, the authors attempt to analyze the concept of power, its essence and characteristics from the point of view of the civilizational-cultural approach. The modern world has lost its spiritual guidelines, so civilizational support is the only condition for survival. The authors believe that the understanding of state power/authority in the paradigm of the civilizational-cultural approach makes it possible to explain the origins of the formation of the roots of racism and fascism in Protestant culture, to avoid Eurocentrism, to show the impossibility and destructiveness of the proliferation of the one matrix of state power/authority and values.

Keywords

Civilizational-cultural approach; cultural code; Protestant/ Orthodox culture; state power/authority; democracy; totalitarianism; freedom.

Введение и постановка проблемы. В политологической и социологической литературе понятие власти в большей степени анализируется с точки зрения теории конфликта (К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин). Государственная власть в рамках данного подхода рассматривается как подавление (одного класса другим) в терминах господства и подчинения. Цель статьи показать, как специфика той или иной культуры, так называемые глубинные культурно-исторические коды, базовые культурные ценности (архетипы) определяют особенности становления власти, её сущность и формы. Авторы также используют сравнительно-исторический подход при осмыслении русской и западноевропейской государственности и власти, анализируя протестантскую и православную культуру.

Современная цивилизация представляет собой единство многообразия, что может определить стратегию к их диалогу при сохранении социокультурной идентичности и внутренней стабильности. Обратим внимание на то, что не являлось предметом исследования в вопросе о власти: каким образом базовые культурные ценности (архетипическое в культуре) детерминируют сущность и формы власти, сохраняются в течение долгого времени, определяя социокультурную идентичность изнутри через мировосприятие, традиционный менталитет и образ жизни. В конце концов: «Именно культура выступает как метапрограмма ламаркистского «наследования приобретённых признаков», отрицаемого в отношении генетической эволюции»¹.

¹ Лушников Д.А. Основные механизмы конструирования образа врага в массовом сознании // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2020. № 6 (83). С. 101.

В классической социологии власть анализируется с позиции теории социального действия (М. Вебер), который обозначает различие между властью-могуществом (Macht, Power) и властью-господством (Herrschaft, Authority). Власть-господство (Authority) признаётся легитимной, порождает добровольное согласие управляемых. Типология «чистых типов» легитимного господства, предложенная М. Вебером, совпадает с типичными «мотивами поведения» – традиционной, харизматической и рационально-легальной¹. Т. Парсонс и Н. Луман подходят к анализу власти с позиции системно-функционального подхода, ориентируясь на функциональную модель общества, предполагающую наличие согласия и актуализации потенциальных конфликтов, в обществе функционируя в рамках правовых и неправовых отношений. Государство выступает основным социальным институтом политической сферы, «высшим пунктом генерализации власти»².

В рамках той же функциональной парадигмы анализируется дисциплинарная матрица М. Фуко. Французский мыслитель рассматривает власть как абстрактную машину, исходящую из единства разума и неразумия, порядка и хаоса, силы и функции, реализующую себя в период формирования буржуазных отношений в классическую эпоху. Власть приобретает рационально-функциональную форму, возникает идеология функционализма, вытесняя «органический хаос» высокоорганизованным порядком на основе привнесённых извне рациональных моделей «нормальности»³.

Таким образом, системно-функциональный подход предполагает рассмотрение социально целого через его подсистемы, воспроизводящие себя в пересечении различных факторов: экономического, социального, политического и др. В этом плане власть представляет собой функцию, способствующую сохранению социокультурной идентичности системы. Именно на этом уровне изучается институциональный «срез» власти, который представлен в политологии и социологии. Нисколько не умаляя заслуг указанных мыслителей по вопросу сущности власти, которые вполне обоснованно подчёркивали значение власти через конфликт или согласие изменить/сохранить социальный порядок посредством социального контроля, выполняющего охранительную и стабилизирующую функции с целью поддержания status quo, авторы статьи предлагают цивилизационно-культурологический подход к анализу власти. С нашей точки зрения, данный подход позволяет выявить сущность и конкретно-историческую особенность формирования власти в той или иной цивилизации, придерживаться позиции value free и выйти за рамки оценок власти по шкале прогрессивности/непрогрессивности (демократия – «это хорошо», а автократия – «плохо»). Подобный

¹ Франк С.Л. Духовные основы общества. – М. : Республика, 1992. С. 5-22.

² Леонтьев К.Н. Записки отшельника. – М. : Русская книга, 1992. С. 232.

³ Митрополит Илларион (Алфеев). Христос как Бог и Человек. – М. : Эксмо, 2014. С. 256.

подход позволит показать равноправность различных цивилизаций, их самодостаточность, а стало быть, адекватные этим цивилизациям типы власти и политические культуры, складывающиеся веками и обусловленные культурным фактором.

Влияние культурного кода на формирование специфики власти. В качестве сравнения особенности типов власти, адекватных русскому и западноевропейскому культурологическим кодам и отметим характерные черты русской культуры, определившие её уникальность и самобытность, тот самый культурный код, «скрепляющие символы» (Н.А. Бердяев), на которые обратили внимание русские (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Н.Я. Данилевский, П.Н. Милюков, С.Л. Франк, К.Н. Леонтьев и др.) и советские (С.С. Аверинцев, Ю.М. Лотман, А.М. Панченко, В.Н. Топоров, А.А. Зиновьев и др.) мыслители.

Известно, что русская цивилизация сложилась как православная под влиянием Византии через духовную практику исихастов, хотя это влияние не было механическим и буквальным. Можно выделить следующие особенности русской культуры и национального самобытного мышления, так называемого национального духа.

Во-первых, он отличается целостным, космическо-онтологическим мировосприятием. Как отмечает С.Л. Франк: «Русскому духу присуще стремление к целостности, к всеохватывающей и конкретной тотальности, к высшей ценности и основе; благодаря такому стремлению русское мышление и духовная жизнь религиозны не только по своей внутренней сути, ... но религиозность перетекает и проникает также во все внешние сферы духовной жизни»¹.

Во-вторых, абсолютизация морально-этического подхода к жизни. Всё приобретает ценность благодаря отношению к Абсолюту (абсолютная истина или абсолютное спасение), отсюда «принципиальный радикализм русского духа», трансформирующийся в политической сфере в форме максимализма.

В-третьих, вместо декартовского индивидуализма западной культуры провозглашается соборность и космизм, нравственные идеи братства и родственности, идеи «всечеловеческой и всемирной» любви, всеобщего счастья, творчества (Н.Ф. Федоров), поэтому в центре Вселенной и духовных интересов – личность «как представитель человечества», его коллективная сущность, в каждом человеке можно видеть представителя человечества. Человек как отдельное, отпавшее от целого, не воспринимается, отсюда идеи подчинения целому, жертвенности, аскетизма, способности переносить страдания. К.Н. Леонтьев отмечал, что в русской нравственности отсутствует акцент на личности, напротив, он делается на «всечеловечество» в смысле земного «всеравенства», свободы. Россия представляет собой не просто государство: «Россия, взятая во всецелостности..., – это целый мир особой жизни...»². Универсализм – существенное свойство

¹ Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. С. 491.

² Леонтьев К.Н. Записки отшельника. – М.: Русская книга, 1992. С. 232-233.

русского национального духа, как правильно в своё время отметил Н.А. Бердяев.

В-четвертых, в восточной православной традиции тема «обожения» выступает центральным пунктом богословия. Это положение рассматривает Митрополит Илларион (Алфеев) в работе «Христос как Бог и Человек»¹. Данную тему принимали аскетики и мистики православного Востока в течении двух тысячелетий и принимают до настоящего времени, как и аллюзию Ириней-Афанасия: «Для чего Бог стал человеком? Чтобы человека сделать Богом». Вместо идеи человекобожества, свойственной западной культуре и философии, выдвигается идея Богочеловечества.

В-пятых, С.С. Аверинцев, сравнивая понимание святости в византийской и русской традициях, показывает и их единство, и их различие. Русское понимание святости в большей степени связано с «патриархальным устоем жизни». Она отличается «потрясающей обнажённостью и непосредственностью, как, может быть нигде», что имело место в практике юродства и отшельничества, аскезы и мученичества, достижения Царства Божьего на Земле, как следствие, выдающиеся достижения в духовной сфере – литературе и искусстве². В.Н. Топоров в работе «Святость и святые в русской духовной культуре» отмечает, что именно святость детерминирует русское сознание и русскую историю³.

Русская культура и философия – это культура и философия духа. Россия сильна верой. Вселенский характер русского культурного кода потрясает жалостью, состраданием, милосердием, жертвенностью, призывом к всечеловеческому единству, «всеобщему духу в сообществе» (С.Л. Франк).

Отмеченное невосприятие человека как *per se* приводило к отсутствию в русском социально-философском дискурсе понятия «приватная жизнь». Более детально об этом пишет О.В. Хархордин в исследовании «Основные понятия российской политики»⁴. Понятие частной жизни в либеральном смысле не имело права на существование, личное и общественное рассматривалось в тесном единстве, поэтому отделение одного от другого не было, как в либерализме, например, Дж. Локка. У него только в отдалённом будущем возможно единство личного и общественного. В русской культуре личный интерес есть правильно понятый общественный (теория разумного эгоизма Н.Г. Чернышевского, анархистская теория П.А. Кропоткина).

В-шестых, поскольку не произошло отпадение личности от целого, поэтому в России всегда актуализировались идеи служения, обязанностей, а не прав отдельной личности. Лучше быть нужным

¹ Митрополит Илларион (Алфеев). Христос как Бог и Человек. – М.: Эксмо, 2014. С. 256.

² Аверинцев С.С. Другой Рим. – СПб.: АМФОРА, 2005. С. 343.

³ Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т.1. – М.: Гнозис, 1995. С. 134.

⁴ Хархордин О.В. Обличать и лицемерить. – СПб.: Летний сад, 2002.

обществу, коллективу, чем свободным. Н.Я. Данилевский отмечал, что выборные должности во всех сословиях – купечестве, мещанстве, крестьянстве, дают власть и почёт, и считаются «не правами, а обязанностями или, лучше сказать, общественными повинностями...»¹.

Эти особенности национального русского духа с её вселенским характером и признанием всечеловеческого единства находят своё отражение в христианско-православной идее о равенстве всех народов перед Богом в буквальном смысле слова и фокусируются на цивилизационно-культурологическом уровне в понятии «Святая Русь».

Идентичность русской государственности. На изложенных выше основаниях складывалась и русская государственность. В России в X-XI вв. проживало 22 этноса, в настоящий момент в Российской Федерации – около 190. Русский универсализм приводил к признанию каждой народной индивидуальности, как замечал Н.А. Бердяев, к «бережному и щедрому отношению ко всякой народности»². Такого в мире нигде нет. Отсюда терпимость становилась естественным основанием и нормой социально-культурной жизни как в дореволюционное время, так и в период существования советской цивилизации. И это находит отражение, в частности, в юридическом языке и конституционном праве. При сравнении конституций 1918, 1924, 1936, 1977, 1993 годов можно заметить одинаковые положения о толерантности в поликонфессиональном и поликультурном пространстве русской государственности. Построение русской государственности имело же самодержавно-демократическую основу.

После Октябрьской революции, отмечает Пайпс, в России наличествовал экономический либерализм. Например, гендерное равенство в 20-х гг. XX века было такого уровня, к какому «демократический» Запад пришёл только в 60-70 гг. Более того, в 20-х годах прошлого столетия Н.А. Бердяев выступал с лекциями перед слушателями историко-филологического факультета Московского университета по проблеме «Почему я не люблю коммунизм?». В то время, как он подчёркивал сам, это было возможно. Констатировалось терпимое отношение к проституции. Борьба с этим социальным явлением совершалась в рамках трудового воспитания. В декабре 1917 г. была отменена ответственность за гомосексуальную связь и в Уголовных кодексах 1922-го и 1926-го гг. не предусматривалась ответственность за гомосексуализм, а до мая 1928 г. не было запрета на оборот наркотиков. Фактически существовало индифферентное отношение к наркоупотреблению и наркобизнесу как социальному явлению³. Это было господство либеральной идеологии в её радикальной форме. Только в 30-е гг. «сворачивается» социальная реабилита-

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М. : Изд-во Эксмо, 2003. С. 469.

² Бердяев Н.А. Судьба России. Самопознание. –Ростов/Д, : Изд-во «Феникс», 1997. С. 103.

³ Пайпс Р. Россия при большевиках. – М. : РОССПЭН, 1997. С. 36-37.

ция женщин, занимающихся проституцией, и начинает по отношению к ним осуществляться репрессивная политика. Также в 1934 г. вводится уголовная ответственность за гомосексуализм с наказанием в виде лишения свободы на срок от 3 до 8 лет. В том же году была установлена уголовная ответственность за посев мака и индейской конопли¹.

Если говорить о состоянии социальной жизни на Западе, то следует согласиться с мнением З. Баумана о появлении так называемого «текущего тоталитаризма» в связи с более изощрённой манипуляцией общественным сознанием и тотальной идеологической обработкой. Следует отметить, что протестантизм с его мессианской идеей богоизбранности богатых формирует капитализм колониального расистского типа с его установкой на европоцентризм и экспорт своей идеологии в «нецивилизованные» страны. К чему это приводило, достаточно назвать Ирак, Ливию, Афганистан, – к потере государственности и «скатыванию» на уровень родоплеменных отношений. Витрина демократии в этих африканских, ближневосточных, азиатских государствах с американской помощью не получилась.

Пришла пора перестать апеллировать к так называемому «цивилизованному» мнению Запада, а быть судьями самим себе. Пора переболеть болезнью «еврообезьяниченья», страдающей «гуманитарными прогрессистами», как пишет Н.Я. Данилевский, и постоянно думать о том, что скажет «княгиня Марья Алексевна» в лице коллективного Запада. Данилевский говорит о том, что Россия должна быть «единственной судьёй в своих делах» и не оглядываться на мнение Запада. «Европа не признает нас своими. Русский в глазах Европы может претендовать на достоинство человека только тогда, когда потеряет свой национальный облик». Но путь к сближению всегда есть. Н.Я. Данилевский чётко обозначил главное отличие русского от англо-саксонского мира - открытость: «различия в политических принципах ещё не могут служить препятствием к дружбе правительств и народов»².

Таким образом, русский культурный код начинается с признания равенства, толерантности к другим народам, культурам, конфессиям. Само понятие «Святая Русь» представляется как многоплеменное объединение. И.А. Ильин верно отметил эту особенность русского культурного кода, который «...утверждает своё и творит новое, но отнюдь не презирает чужое. И Дух его есть дух Иоанновского христианства, христианства любви, созерцания и свободы, а не дух ненависти, зависти и завоевания»³. Для Святой Руси принцип «быть всем миром» является основополагающим. Русский культурный код

¹ Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е издание, переработанное и дополненное. СПб: Алеф-Пресс, 2014. – 574 с.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М. : Изд-во Эксмо, 2003. С. 52-59.

³ Ильин И.А. О русском национализме. – М. : Российский фонд культуры, 2007. – 152 с. С. 46.

не содержит корней фашизма. Тот же Ильин отмечал, что никогда имперская Россия не денационализировала свои малые народы в отличие хотя бы от германцев в Западной Европе. Ещё Б. Рассел отмечал, что нет «никаких оснований считать», что превосходство той или иной цивилизации «должно сохраниться и в будущем».

Он имел в виду превосходство европейской цивилизации. Европейская культура приобрела форму западноевропейского империализма, проявляющегося в пропаганде и навязывании своих ценностей, стереотипов как универсальных. Но «если нам суждено дышать полной грудью» в этом мире, то это возможно при сохранении равенства других цивилизаций «не только в политическом, но и в культурном отношении», напротив, «... вся европейская культура ещё долго – по существу, вплоть до Реформации – сохраняла окраску римского империализма. Ныне она для нас отдаёт западноевропейским империализмом»¹.

Своевременным выглядит Указ № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики», подписанный 25 января 2023 года Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, приоритетной целью которого является «обеспечение культурного суверенитета России», под которым понимается «совокупность социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, сохранять историческую память, придерживаться традиционных российских духовно-нравственных ценностей»².

Таким образом, цивилизационно-культурологический подход к пониманию власти позволяет:

во-первых, выявить устойчивую культурную основу формирования власти;

во-вторых, понять её специфические культурно-исторические формы (Россия, Западная Европа, например);

в-третьих, не возводить в ранг обязательного для подражания европейскую форму власти и оправдывать в качестве обязательных экспорт её ценностей;

в-четвёртых, дать возможность на право существования многополярного мира в рамках единой человеческой цивилизации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808». // СПС «КонсультантПлюс».

2. Аверинцев С.С. Другой Рим. – СПб. : АМФОРА: изд. Седова, 2005. – 364 с.

¹ Рассел Б. История западной философии. – М. : Академический проект, 2009. С. 485.

² Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808». // СПС «КонсультантПлюс».

3. Бердяев Н.А. Судьба России. Самопознание. – Ростов/Д, : Изд-во «Феникс», 1997.

4. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е издание, переработанное и дополненное. СПб: Алеф-Пресс, 2014. – 574 с.

5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. – М. : Изд-во Эксмо, 2017. – 576.

6. Ильин И.А. О русском национализме. – М. : Российский фонд культуры, 2007. – 152 с.

7. Леонтьев К.Н. Записки отшельника. – М. : Русская книга, 1992. – 538 с.

8. Лушников Д.А. Основные механизмы конструирования образа врага в массовом сознании // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2020. № 6 (83).

9. Митрополит Илларион (Алфеев). Христос как Бог и Человек. – М. : Эксмо, 2014. 256 с.

10. Пайпс Р. Россия при большевиках. – М. : РОССПЭН, 1997. 670 с.

11. Рассел Б. История западной философии. – М. : Академический проект, 2009. 1008 с.

12. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т.1. – М.: Гнозис, 1995. -875 с.

13. Франк С.Л. Духовные основы общества. – М. : Республика, 1992. -510 с.

14. Хархордин, Олег Валерьевич (1964-). Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности / Олег Хархордин ; Европейский университет в Санкт-Петербурге. - Изд. 2-е. - Санкт-Петербург : Европейский ун-т, 2016. – 507 с.

REFERENCES

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 35 of 25.01.2023 "On Amendments to the Fundamentals of State Cultural Policy approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 808 of December 24, 2014". [O vnesenii izmenenij v Osnovy gosudarstvennoj kul'turnoj politiki, utverzhdennye Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 24 dekabrya 2014 g. № 808]// SPS "ConsultantPlus".

2. Averintsev S.S. Another Rome [Drugoj Rim]. – St. Petersburg : AMPHORA: ed. Sedova, 2005. – 364 p.

3. Berdyaev N.A. The fate of Russia. Self-knowledge [Sud'ba Rossii. Samopoznanie.]. – Rostov/D, : Phoenix Publishing House, 1997.

4. Gilinsky Ya.I. Criminology: theory, history, empirical base, social control [Kriminologiya: teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, social'nyj kontrol']. 3rd edition, revised and expanded. St. Petersburg: Alef-Press, 2014. – 574 p.

5. Danilevsky N.Ya. Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Romance [Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu]. – Moscow : Eksmo Publishing House, 2017.

6. Ilyin I.A. About Russian nationalism [O russkom nacionalizme]. – Moscow : Russian Cultural Foundation, 2007. – 152 p.

7. Leontiev K.N. Notes of a hermit [*Zapiski otshel'nika*]. – Moscow : Russian Book, 1992.
8. Lushnikov D.A. The main mechanisms of constructing the image of the enemy in the mass consciousness [*Osnovnye mekhanizmy konstruirovaniya obraza vraga v massovom soznanii*] // SEARCH: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture: a scientific and socio-cultural journal. 2020. № 6 (83).
9. Metropolitan Hilarion (Alfeev). Christ as God and Man [*Hristos kak Bog i Chelovek*]. – Moscow : Eksmo, 2014.
10. Pipes R. Russia under the Bolsheviks. – Moscow : ROSSPEN, 1997.
11. Russell B. The History of Western Philosophy [*Istoriya zapadnoj filosofii*]. – M. : Academic Project, 2009.
12. Toporov V.N. Holiness and saints in Russian spiritual culture [*Svyatost' i svyatye v russkoj duhovnoj kul'ture*]. Vol.1. - M.: Gnosis, 1995.
13. Frank S.L. Spiritual foundations of society [*Duhovnye osnovy obshchestva*]. – M. : Republic, 1992. – 510 p.
14. Kharkhordin, Oleg Valeryevich (1964-). To Denounce and hypocrite: the Genealogy of the Russian personality [*Oblichat' i licemerit': genealogiya rossijskoj lichnosti*] / Oleg Kharkhordin; European University in St. Petersburg. - Ed. 2nd - St. Petersburg : European University, 2016. – 507 p.

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

Минувшее тридцатилетие (1993-2023): опыт литературно-социологического анализа / The past thirty years (1993-2023): the experience of literary and sociological analysis

*«Пришла пора нам осознать:
Нас испытания ждут большие
И только б веру нам не потерять
В могущество и торжество России»
В.Н.Иванов*

Как вы считаете, возможно ли при помощи литературы (поэзии) дать описание социальных явлений не менее глубоко и разносторонне, чем используя методы научного (социологического) анализа? Если вы хотите получить ответ, то немедленно обратитесь к недавно вышедшей монографии «Наше тридцатилетие (размышления по поводу ...): 1993-2023» М.: изд-во У Никитских ворот», 2023.- 136с. члена-корреспондента РАН, доктора философских наук, профессора Вилена Николаевича Иванова.

Структурно монография разделена на две части. В первой из них при помощи четко сформулированных четверостиший и двустиший дается оценка происшедшему в стране в 90-ые годы XX столетия и двухтысячные. Автор не скрывает свою нелицеприятную оценку происходящего в этот период.

*«Иносказанья не нужны,
Я говорю исповедально:
Возникший строй – порочен изначально
И тупиковый для страны».*

Он разоблачает варварскую приватизацию, дает характеристики основным «прихвизаторам», которые хорошо нажились, ограбив народ. Находят свою оценку (поразительно емкие и справедливые) фундаментальные события: дефолта 1998 года, последующий за ним кризис в экономике, несостоятельность неолиберального курса. Общество живет в ожидаемой смуте, «нарастает ощущение тупика», угасает вера в будущее.

В этих условиях страна вступает в XXI век, брезжит свет надежды, появляются новые люди, и автор дает им емкую характеристику. Иных уж нет, а те далекие, но все оставили свой след в многострадальной истории России. Настала пора реформ, и здесь всем отводится место – и героям-реформаторам, тем, от которых «простые люди стонут» и тем, кто искренне старался вытащить Россию из болота неолиберализма. Особое место занимают оценки 75-летнего юбилея Победы в Великой Отечественной войне.

Много поэтических оценок приводится по поводу принятия поправок в Конституцию РФ. Тут и оценки причин поправок, и надежда на то, что это «шаг первый в нужном направлении».

Значительную часть поэтических оценок автор посвятил последнему трехлетию тридцатилетнего периода. Тут и цифролизация «как новая форма отчуждения», и ковид-19 и его последствия, и, разумеется, Специальная военная операция. О последнем сказано емко и справедливо:

«На Украине мы спасаем мир
От Западом возвращенного нацизма».

Касаясь оценок значения СВО, автор дает оптимистический вывод:

«Сколько печалей вокруг многоликих,
Сколько проблем, сколько горя и бед.
Можно ли верить в какой-то просвет?
Можно! Осилив лишь опыт великий
Прежних ошибок и прежних побед».

Когда читаешь поэтические строки, поражает точность формулировок, образность описания явлений, содержащихся в них мотиваций к познанию и действию.

Но автор не только поэт, он – известный крупный ученый – социолог, поэтому раздел монографии он завершает словами:

«И сказанное мной теперь стихами
Сверить хочется с прозой коллег»

Вторая часть монографии посвящена оценкам мнений экспертов «по внедрению социологии в общественную жизнь» (М.К.Горшков).

Раздел содержит очень много интересных фактов, ранее неизвестных широкой общественности (о роли академика Т.И.Заславской в перестройке). Много автор пишет о «разрушительной силе олигархов», показывая при этом аналитическое значение трудов социологов, разъясняющих истинное состояние и роль участия гражданского общества в преодолении разрухи.

Значительная часть раздела посвящена описанию социологических работ по поводу причин, хода и последствий Специальной военной операции на Украине. На этих примерах автор поэтизирует ответственность социологической науки. Заслуживает внимания та часть раздела, где автор формулирует острые вопросы, которые требуют своего разрешения в первую очередь. Касаясь периода обсуждения поправок в Конституцию РФ, автор убедительно показал социологическую сущность многих конституционных норм. В частности, это касается высказываний о запрете государственной идеологии, о справедливости норм социальной защиты, о социальной поляризации российского общества, о роли местного самоуправления, о необходимости выработки форм и методов противодействия агрессивности

коллективного Запада, борьбы проти русофобии. Подкрепляя свои суждения, автор опирается на данные социологических исследований различных научных центров страны, показывая тем самым значение социологической науки.

Автор выражает оптимистическую надежду, что современная Россия, опираясь на традиции приверженности здоровому смыслу научных достижений, не допустит «цивилизационной катамтрофы». Анализ социологической экспертизы приводит к логическому выводу:

«Любовь к Отечеству и память о былом
Жизнь нашу смыслом наполняет.
Жить следует своим умом,
Самим себе прокладывать дорогу.
Человек не должен быть рабом,
Ни кесаря рабом, ни Бога».

Пытливый читатель почерпнет еще очень многое из монографии. Она на обозримый период может стать настольной книгой для тех, кто интересуется проблемами современного развития России. Сегодня ее полезно использовать при чтении обязательного во всех вузах курса «Основы государственности России», Монография позволяет определить место и роль нашей Родины в многополярном мире.

* * *

Вилен Николаевич находится на пороге важного личного события – юбилея. В преддверьи этого хочется пожелать ему крепкого здоровья, новых творческих достижений. Журнал всегда помнит, что В.Н.Иванов является главным инициатором создания этого журнала и бесменным сопредседателем Редакционного совета. Участие в работе журнала, его советы всегда находят ся в центре нашего внимания и служат верным ориентиром многолетней истории и деятельности ПОИСКА.

Дорогой учитель и коллега! Спасибо Вам за это. Редакция и впредь будет бережно относиться к Вашим советам и продолжать творческое содружество.

*Маршак А.Л.,
профессор социологии,
член Союза писателей России*

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ

Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием "Научно-технический прогресс как механизм развития современного общества". Срок приема материалов для участия в конференции - 13 декабря 2023 г.

Международная научно-практическая конференция "Взаимодействие науки и общества в контексте междисциплинарных исследований". Завершение срока приема материалов - 20 декабря 2023 г.

Международная научно-практическая конференция "Цифровые технологии в научном развитии: новые концептуальные подходы". Материалы для участия в конференции необходимо отправить до 25 декабря 2023 г. включительно.

Международная научно-практическая конференция "Общество - Наука - Инновации". Прием материалов осуществляется до 27 декабря 2023 г.

Международная научно-практическая конференция "Междисциплинарный дискурс. Диалог поколений". Окончание срока приема документов для участия - 17 декабря 2023 г.

XXII Международная научно-практическая конференция "Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности". Срок подачи материалов до 15 декабря 2023 г. включительно.

XX Международная научно-практическая конференция "Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации". Материалы для участия принимаются до 30 декабря 2023 г. включительно.

XIII Международная научно-практическая конференция "Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации". Окончание срока приема документов для участия - 27 марта 2024 г.

Международная научно-практическая конференция "Устойчивое развитие общества: новые научные подходы и исследования". Материалы для участия принимаются до 18 декабря 2023 г. включительно.

Международная научно-практическая конференция "Цифровое общество: научные инициативы и новые вызовы". Окончание

срока приема документов для участия - 22 декабря 2023 года.

Всероссийская научно-практическая конференция "39-е Адлерские чтения. Личность. Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия". Окончание приема заявок на участие и текстов статей - 14 февраля 2024 г.

Международная научно-практическая конференция "Трансформация российской науки в эпоху информационного общества". Прием документов для участия в конференции осуществляется по 26 декабря 2023 года.¹

¹ Подробности на сайте <http://www.kon-ferenc.ru>

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Материалы для публикации в журнале «П.О.И.С.К» необходимо предоставлять в редакцию в бумажной виде и электронном виде, или отправлять на адрес электронной почты (info@журналпоиск.рф) двумя файлами: текст статьи в WORD и отсканированную рецензии в PDF.

Направляемые в журнал статьи необходимо оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи не должен превышать 10—12 стр.** Формат страницы – А4, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – полупетельный. Отступ первой строки абзаца – 1,25, поля на странице – 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски — постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. **Все знаки**, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, черными чернилами вписаны в текст от руки.

3. **Формулы** размечаются и поясняются на полях рукописи. Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, а рисунки — подрисовочные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее — на иностранном), он дается в конце статьи.

В текстовом документе перед статьей обязательно должны быть:

– авторская справка на русском языке, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень и электронный адрес;

– аннотация объемом 10—15 строк на русском и английском языках;

– список 3—4 ключевых слов на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

Статьи, не оформленные в соответствии с требованиями, к публикации не принимаются.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии и редакции. Все материалы публикуются в авторской редакции.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя

обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук).

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Научные статьи подписчиков журнала имеют приоритетное право публикации. Отвергнутые редколлегией статьи автору не возвращаются. Однако, по запросу автора, ему отправляется мотивированный отказ.

<https://www.rupoisk.su/>

RULES OF PUBLICATION:

Materials for publication in the journal "P.O.I.S.K" must be provided to the editor in the paper and electronic form, or send an e-mail address (info@журналпоиск.рф) two files: the text of the article in WORD and scanned reviews to PDF.

Guided journal articles must be drawn up in accordance with the following rules:

1. **The manuscript should not exceed 10-12 pages.** Page format - A4, font - Times New Roman, font size - 14, line spacing - one and a half. Indent the first line of a paragraph - 1.25, the fields on the page - 30 mm at the top and to the left, 20 mm at the bottom and the right. Papers should be typed on one side of the sheet. Footnotes - with its page-numbering on each page.

2. **All signs** that can not be printed, shall be legible, large, black ink written in the text by hand.

3. **The formulas** and are marked in the margin of the manuscript. All sources are supplied with bibliographic references.

4. **Tables, diagrams, graphs, pictures and other illustrations** are embedded directly in the text of the article. They must be numbered and titled. This table must have a title, placed above the table-field and figures - captions. When used in the article more tables and / or drawings of numbering required.

5. **A numbered bibliography should not exceed 1 pp.** (In alphabetical order, indicating the first source in Russian, then - foreign), it is given at the end.

To the article must be attached:

- Abstract volume of 10-15 lines in Russian and English;
- A list of 3-4 key words in Russian and English; each keyword or phrase is separated by a semicolon;
- The author's certificate in Russian and must include: Name (in full), the official name of the place of employment, position, title and email address.

Articles are not drawn up in accordance with the requirements for publication will not be accepted.

The authors are responsible for the choice and the accuracy of these facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, place names and other information.

Published materials may not reflect the point of view of the founder, the editorial board and the publisher. All materials are published in author's edition.

Introducing the manuscript to the editors, the author undertakes not to publish it, in whole or in part in any other publication without the consent of the publisher. At a reprint the reference to the journal is obligatory.

The editors accept manuscripts for consideration only articles with a

review by qualified personnel (the candidate or PhD).

The decision on the publication shall be made within 2 months from the date of registration of the manuscript to the publisher. Scientific articles magazine subscribers have the priority right to publish. Rejected by the editorial board to author articles are not returned. However, at the request of the author, he sent a reasoned refusal.

<https://www.rupoisk.su/>

П.О.И.С.К.:
Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура
Научный и социокультурный журнал
Выпуск № 6(101)
Ноябрь-Декабрь 2023 г.

Перевод на англ. яз. дается в авторской редакции.

Учредитель
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский университет транспорта»

Издатель
РУТ (МИИТ)

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетель-
ство о регистрации ПИ № ФС 77 – 58210 от 05 июня 2014 года.

Индекс в каталоге «Пресса России»: 36938.
Выходит 6 раз в год.
Цена свободная.

Адрес редакции
Тел.: +7 (499) 394-30-48
Для простых почтовых отправлений: 127994, г. Москва,
ул. Образцова д.9 стр.9.

E-mail: abp-rut@yandex.ru
Сайт в интернете: www.rupoisk.su/